

КРОВАВОЕ КРЕЩЕНИЕ

«ОГНЕМ И МЕЧОМ»

Виктор ПОРОТНИКОВ

Русь изначальная

Виктор Поротников
Кровавое Крещение
«огнем и мечом»

«Яуза»

2013

Поротников В. П.

Кровавое Крещение «огнем и мечом» / В. П. Поротников — «Яуза», 2013 — (Русь изначальная)

Новый роман от автора бестселлера «Добрыня Никитич»! Исторический боевик о прославленном воеводе Древней Руси, без которого князь Владимир не одержал бы победы в борьбе за власть и не стал бы Крестителем и Святым. Это Добрыня сыграл ключевую роль в утверждении новой веры. Это он «низвергал идолов» и силой принуждал народ принять христианство, а с упорствующими язычниками, не желавшими отдавать исконных богов на поругание, «поступал как с врагами». Это о нем сказано в летописях, что «лились кровь и слезы», когда Добрыня «крестил Русь огнем и мечом»... Но даже это Кровавое Крещение не смогло очернить его в глазах потомков – как князь Владимир остался в народной памяти Красным Солнышком, так и воевода Добрыня превратился в легендарного богатыря русских былин Добрыню Никитича.

© Поротников В. П., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Поротников

Кровавое Крещение «огнем и мечом»

Часть первая

Глава первая Между лисой и волком

Был год 980-й.

Во граде Киеве царили радость и веселье по случаю победоносного возвращения русских полков из похода на ятвягов. В княжеском тереме шумело пиршество. Дружина и бояре пили хмельной мед за здоровье удачливого и смелого воеводы Добрыни, возглавлявшего русскую рать в этом походе. Доводясь родным дядей киевскому князю Владимиру, Добрыня неизменно главенствовал во всех ратных делах и на всех советах знати. Юный князь Владимир в государственные дела вникать не любил и к ратной славе не стремился. Непомерное сластолюбие и душевная леность владели князем Владимиром, который привык с малолетства чувствовать над собой отеческую опеку своего деятельного дяди. Будучи сыном наложницы, Владимир не имел права на киевский великокняжеский трон. Однако судьба-злодейка столкнула лбами его старших сводных братьев Ярополка и Олега, обнаживших мечи друг на друга. В результате этой распри Олег был убит.

Какое-то время Владимир, по настоянию своего дяди, скрывался в Скандинавии из страха перед Ярополком. Там же благодаря стараниям Добрыни Владимир обзавелся войском из наемных варягов. Вернувшись в Новгород, Владимир и Добрыня открыто бросили вызов Ярополку. На стороне Владимира выступили также новгородцы, кривичи и чудские племена. В битве на реке Друч рать Ярополка была разбита. Владимир неожиданно-негаданно утвердился на княжеском столе в Киеве. Осажденный в крепости Родне Ярополк сдался на милость победителей и был заколот варягами по приказу Добрыни.

Вот уже полтора года Владимир княжит в Киеве, не ведая забот и печалей, поскольку все заботы и невзгоды взял на себя его неутомимый дядя. Сначала Добрыня привел к покорности древлян и случан, которые отказались платить дань Киеву. Затем Добрыня сходил с войском в Чернигов, дабы отбить желание у тамошней знати последовать примеру древлян. Ныне вот Добрыня усмирил дерзких ятвягов, вожди которых слишком осмелели, совершая набеги на северо-западные окраины Руси.

В просторной гриднице за четырьмя длинными столами расположились пирующие, которых набралось около трехсот человек. Высокие дубовые своды, подпертые мощными деревянными колоннами, сотрясались от громового хохота опьяневших гостей, коих потешали своими фокусами и забавными пантомимами приглашенные на это торжество скоморохи. Через распахнутые оконные створки в сырую октябрьскую ночь летели громкие скоморошьи припевки, сопровождаемые резкими трелями дудок и сопелок, грохотом трещеток и ударами в бубны.

Дружина пировала, веселились варяжские ярлы и чудские вожди. Мало кто из пирующих успел заметить в дымном жарком свете факелов, как из гридницы удалился Добрыня, едва зазвучали непристойные песни бродячих скоморохов.

Поднявшись по темным скрипучим ступеням на второй ярус терема, Добрыня прошел в небольшую светлицу, озаренную пламенем масляных светильников, где его ожидали юный князь Владимир и воевода Блуд.

Затворив за собой тяжелую низкую дверь, Добрыня рывком сорвал с плеч пурпурный плащ и швырнул его на скамью. Оставшись в длинной белой свитке, ниспадавшей почти до пола, расшитой красными витыми узорами по вороту и на рукавах, Добрыня вышел на середину комнаты. На его мужественном лице, обрамленном небольшой темно-русой бородкой,

застыло выражение мрачного недовольства. Нахмуренный взгляд Добрыни сначала задержался на Владимире, восседающем на стуле с высокой спинкой, потом метнулся к креслу с резными подлокотниками, в котором сидел полуразвалился грузный воевода Блуд.

– Что же вы творите, соколы мои? – с досадливым раздражением проговорил Добрыня, уперев руки в бока. – Покуда я в дальних далях ратоборствую, головой рискуя, вы тут пьянствуете напропалую! Весь Киев слухами полнится о твоих бесстыдных оргиях, племяш. Мало тебе рабынь, так ты осмелился у киевлян отнимать жен и дочерей. Ах ты, любострастный прыщ! – Добрыня стремительно шагнул к Владимиру и схватил его за волосы. – Не шибко ли много ты о себе возомнил, сосунок! Думаешь, надел шапку княжескую, так тебе любая пакость с рук сойдет. Ах ты, срамник! Я тебя отучу подолы у непорочных дев и боярских жен задираить, негодяй!

В следующий миг Добрыня наградил племянника сильным подзатыльником.

С Владимира мигом слетела маска надменности. Объятый испугом, он вжался в спинку стула, заслоняясь руками.

– Недостойно ты себя ведешь, Добрыня, – заговорил воевода Блуд. – Племянник твой теперь князь киевский, а посему с ним нельзя так обращаться! Ты, конечно, родня Владимиру, но не забывай, что отныне твой племянник является господином для тебя.

– А с тобой, воевода, у меня будет разговор особый. – Добрыня повернулся к Блуду. – Мне ведь ведомо, что это ты склоняешь Владимира на непристойные дела. С твоего ведома Владимир то во хмелю с утра до вечера, то в окружении нагих дев досуг свой проводит. По твоей милости Владимир забросил учение книжное и грамоту славянскую. Все наставники в один голос молвят, мол, Блудово влияние дурно сказывается на Владимире.

– Эти грамотеи дальше своего носа не видят, – презрительно фыркнул Блуд. – Зачем князю грамота и писание букв, а писари для чего тогда? Неужто князю пристало самому читать грамоты послов иноземных? Тем паче своею княжеской рукой писать ответные послания соседним государям. Да виданное ли это дело!

Блуд небрежно усмехнулся, переглянувшись с Владимиром.

Ощувив поддержку Блуда, Владимир негромко вставил:

– Вот именно!

Добрыня тяжело вздохнул, смерив мрачным взглядом Блуда и своего племянника. Оба были одеты в длинные греческие рубахи фиолетового цвета, у обоих на ногах красовались короткие шнурованные греческие полусапожки.

– Я вижу, вы неплохо спелись, соколики, – угрюмо промолвил Добрыня. – Это даже по одежке вашей видно. Ну да это дело поправимое! Племяш, ступай-ка отсель. – Добрыня строго взглянул на Владимира. – Нам с воеводой Блудом нужно потолковать с глазу на глаз. А ты иди-ка поживать, дружок. Время уже позднее.

– Еще и филин не кричал, – проворчал себе под нос Владимир. – Не хочу я спать.

– Ступай в ложницу, племяш! – повысил голос Добрыня. – Сам ведь знаешь, со мной лучше не спорить.

Обиженно поджав губы, Владимир вышел из светлицы, так хлопнув дверью, что в масляных лампах заколыхались язычки пламени.

Добрыня с хозяйским видом уселся на стул, где только что сидел его племянник, и, взирая на Блуда, резко вымолвил:

– С твоего дозволения княгиня Предслава и ее сестра бежали из Киева в Тмутаракань?

– Не бежали, а уехали вместе с купеческим караваном, – мягко поправил Добрыню Блуд, слегка заерзав в кресле. –хлопот с ними было много, вот я и решил спровадить Предславу и Бориславу куда-нибудь подальше отсель.

– Стало быть, ты так решил и сделал, воевода, – по губам Добрыни промелькнула недобрая усмешка. – И это вопреки моему приказу держать дочерей Гробоя под неусыпным надзором. Не много ли ты себе власти взял, воевода?

– Осмелюсь напомнить тебе, Добрыня, что Предслава была замужем за Святославом Игоревичем, гибель которого у Днепровских порогов по сей день оплакивает весь киевский люд, – со значением произнес Блуд, выгнув дугой густую темно-русую бровь. – А боярин Каницар, муж Бориславы, далеко не последний человек среди бояр киевских. Любое притеснение дочерей Гробоя бросало тень на князя Владимира. Предслава и так сильно пострадала, потеряв власть и своего любимого сына Ярополка. Поэтому, посоветовавшись с князем Владимиром, я отпустил Предславу и ее сестру в Тмутаракань, как они того и хотели.

Добрыня раздраженно хлопнул себя ладонью по колену, воскликнув:

– Ладно племяш мой дурень набитый по молодости лет, но ты-то, воевода, соображать должен! Твое милосердие нам всем может боком выйти, ведь Предслава и Борислава неспроста именно в Тмутаракань отправились. Там же княжит их родной брат Владислав, который в прошлом уже покушался на стол киевский.

– У Владислава нет сильного войска, Киев ему не по зубам. – Блуд небрежно махнул рукой. – Зря ты беспокоишься об этом, Добрыня.

– Не забывай, воевода, что Владислав женат на дочери печенежского хана Кури, – хмуро сказал Добрыня. – Печенеги всегда будут рады помочь Владиславу утвердиться в Киеве.

– Чего же тогда Владислав до сих пор медлит? Отчего он не исполчает печенегов в набег на Киев? – промолвил Блуд. – Ведь грозного Святослава Игоревича уже восемь лет как нет в живых.

– Видимо, у Владислава были на то причины, – задумчиво заметил Добрыня. – Может, Владислав не желал зла своему племяннику Ярополку. Может, он не хотел своим набегом навлечь гнев киевлян на своих сестер. Кто знает... – Добрыня помолчал и добавил с тягостным вздохом: – Теперь-то у Владислава руки развязаны. Ярополк мертв, а Предслава и Борислава уехали из Киева к нему в Тмутаракань.

* * *

«Хитрит Блуд! – размышлял Добрыня, расставшись с воеводой и уединившись в своих покоях. – С каким-то тайным умыслом он спровадил Предславу и Бориславу в Тмутаракань, не иначе. Выгадал время хитрец, когда меня в Киеве не было, и выпустил Гробовых дочерей на волю. Похоже, сомневается Блуд, что Владимир усидит на киевском столе. Ему ведь ведомо, что далеко не все киевляне хотят иметь князем сына рабыни. А может, тем самым Блуд желает получить прощение от Предславы за то, что при его участии Ярополк сдался на мою милость и лишился жизни. Может, Блуд подбивает клинья к Владиславу, чтобы в случае чего бежать к нему в Тмутаракань».

Размышления Добрыни были прерваны появлением дружинника Сигвальда, который сообщил ему о приходе Торы, жены свейского конунга Стюрбьерна Старки. Тора желала говорить с Добрыней по какому-то важному делу, не терпящему отлагательств.

«Вот нетерпеливая упрямица! И чего ей не спится в ночь-полночь! – мысленно посетовал Добрыня. – И ведь никак не откажешь! За спиной у Торы стоит вся варяжская дружина ее мужа. С этим приходится считаться!»

Добрыня велел Сигвальду пропустить Тору к нему в светлицу.

Войдя в комнату, на бревенчатых стенах которой висели роскошные восточные ковры, Тора поприветствовала Добрыню на ломаном русском языке. Это была статная женщина тридцати трех лет, приятной внешности, светловолосая и белокожая, как все женщины варяжского племени. На ней было длинное белое платье с голубыми и синими узорами в виде завитков и листьев. Голова Торы была покрыта белым платком, который она сбросила на плечи, едва представ перед Добрыней. На лбу Торы блестели в свете масляных светильников мелкие капли дождя. На шее у нее переливалось ожерелье из винно-желтых топазов.

Ответив на приветствие гостыи, Добрыня гостеприимно указал ей на стул, покрытый шкурой рыси.

– Скоро же ты позабыл, Добрыня, кому обязан твой племянник Владимир своим нынешним высоким положением, – сердито промолвила Тора, усевшись на стул и расправляя складки своего широкого подола. – Кабы не мой супруг и не его дружина, то не видать бы Владимиру стола киевского как своих ушей. Разве не так?

– Так, – кивнул Добрыня, – не стану спорить. Я же отблагодарил Стюрбьерна золотом-серебром, а его дочь стала женой Владимира.

– О своей дочери я и хочу поговорить с тобой, Добрыня, – продолжила Тора тем же холодным тоном. – Алова стала законной женой Владимира, едва он вернулся в Новгород со свейской дружиной. Вся новгородская знать пиновала на этой свадьбе. Сначала я радовалась за свою дочь, но ныне меня снедает тревога за нее. При твоём попустительстве, Добрыня, Владимир взял в жены полоцкую княжну Рогнеду и дочь чудского князя Пуркеша. Эти две побочные жены уже родили от Владимира по ребенку. Мало того, от Владимира родила сына и гречанка Юлия, вдова Ярополка. И лишь моя дочь по-прежнему бездетна, ибо Владимир совсем не обращает на нее внимания.

– Я этого так не оставляю, Тора, – сказал Добрыня, сочувственно кивая. – Я согласен, что Алова должна первенствовать среди всех прочих жен и наложниц моего племянника. Я завтра же побеседую об этом с Владимиром, надо будет, отругаю его как следует. Верь мне, Тора, душой и сердцем я полностью на твоей стороне.

– Я рада, что ты не забываешь благодеяний, друг мой, – промолвила Тора, глядя прямо в глаза Добрыне. – Я надеюсь, что, сколько бы новых жен еще ни появилось у любвеобильного Владимира, киевской княгиней будет токмо моя дочь. И лишь сыновья, рожденные Аловой, будут иметь право наследовать киевский трон.

– И об этом я тоже потолкую с Владимиром, – заверил Тору Добрыня. – Обскажу ему, недоумку, что к чему, коль он сам додуматься не может.

Тора ушла из покоев Добрыни с повеселевшим лицом. Прощаясь с Торой, Добрыня выразил восхищение ее цветущей внешностью, дивным блеском ее светло-серых глаз, красотой ее длинных кос, уложенных в замысловатую прическу. Добрыня дорожил дружбой с Торой, которая имела немалое влияние на своего вспыльчивого и падкого на вино супруга. Благодаря вмешательству Торы Стюрбьерн Старки порой шел на уступки Добрыне при дележе военной добычи и в спорах на советах.

* * *

Утром следующего дня Добрыня первым делом отправился в покои своего племянника. Там он столкнулся с книжником Силуаном, на котором лежала обязанность обучать Владимира чтению и письму. Силуан прибыл на Русь в числе пленных болгар после первого похода Святослава Игоревича на Дунай. Помимо славянской грамоты – кириллицы Силуан владел греческой грамотой и латынью. Силуан носил на шее маленький серебряный крестик, являясь христианином с самого рождения. Святослав Игоревич сразу обратил внимание на Силуана, поразившись его учености при сравнительно молодых летах.

Поначалу Силуан обучал славянской грамоте старших сыновей Святослава Игоревича, а когда Владимир по воле отца отправился княжить в Новгород, то Силуан поехал вместе с ним, поддавшись на уговоры Добрыни.

Силуан сидел на табурете у окна и заострял маленьким ножиком гусиные перья, коими его ученики писали на бумаге буквы и слова. Чернила для письма Силуан тоже замешивал сам, используя для этого сажу, черничный сок и льняное масло. Кроме Владимира в обучении у Силуана находились Буи, сын Торы, Судиша, сын Блуда, и еще несколько знатных отпрысков.

– Здрав будь, друже! – обратился к болгарину Добрыня, появившись в дверях небольшой светелки, служившей комнатой для занятий. – Где же твои ученики? Уже и петухи открывали, пора бы им за перья браться.

– Вчера кое-кто из моих учеников на пиру слишком долго засиделся, так они теперь дрыхнут в обнимку с подушкой, – проговорил Силуян, ответив на приветствие Добрыни.

– Племянш мой на пиру не был, я не велел его туда пускать, – сказал Добрыня. – Он-то почто так долго подушку обнимает?

– Владимир не подушку сжимает в объятиях по ночам, а красавицу Юлию, – с усмешкой обронил Силуян. – Тяга к Юлии пересиливает во Владимире тягу к учению книжному. Тут я бессилен, друже.

Силуян оказывал глубокое почтение Добрыне лишь при посторонних людях. Оставаясь наедине, эти двое вели себя по-приятельски. Их сближало возрастное равенство, общность интересов и сходство характеров.

– Что ж, придется мне потревожить сладкий сон Владимира, – произнес Добрыня с решительными нотками в голосе.

– Остерегись, друже, – с той же усмешкой бросил Добрыне Силуян, – а то испытаешь на себе гнев княжеский. В гневе-то Владимир даже страшен!

– На княжеский гнев у меня управа найдется, клянусь Перуном, – промолвил Добрыня и скрылся за дверью.

Сказанное Силуяном подтвердилось в полной мере. Переступив порог княжеской опочивальни, Добрыня узрел на широком ложе с высокими резными спинками спящего крепким сном Владимира, рядом с которым спала гречанка Юлия, разметав по подушке свои темные выющиеся волосы. Возле ложа стояла бронзовая чаша на высокой подставке, над которой вился ароматный дымок тончайших благовоний. Благовонный аромат висел в опочивальне, перебивая запах сушеной полыни, пучки которой были развешаны по углам и у дверей в качестве оберега от злых духов.

Восточные благовония доставляли на Русь греческие и арабские купцы. Если в Новгороде мода на эти изысканные ароматы еще не прижилась среди тамошней знати, то киевские бояре и их жены уже давно пользовались в быту различными благовониями.

Вдове Ярополка было двадцать восемь лет. Это была женщина неотразимой, невиданной среди славян красоты. Святослав Игоревич привез Юлию в Киев после первого похода на Балканы. Воины Святослава разграбили женский монастырь близ города Плиски, угнав в неволю всех молодых монахинь. Гречанка Юлия, как самая красивая из пленниц, досталась Святославу Игоревичу, который подарил ее своему старшему сыну Ярополку. В ту пору Ярополку еще не было и тринадцати лет. Влюбившись по уши в прекрасную гречанку, которая была старше его на шесть лет, Ярополк женился на Юлии, едва его воинственный отец ушел во второй поход к Дунаю. За девять лет супружеской жизни с Ярополком Юлия родила двоих дочерей, которые умерли еще во младенчестве. Смерть Ярополка Юлия перенесла на удивление спокойно. Несмотря на южную кровь, гречанка Юлия не обладала ни взрывным темпераментом, ни склонностью к истерикам.

Прежде чем прикрыть обнаженную грудь спящей Юлии краем одеяла, Добрыня невольно задержал на ней свой взгляд. Эта совершенная по форме упругая белая грудь с розовыми круглыми сосками восхитила его, наполнив жарким волнением потаенные глубины его души. «До чего же прелестна эта гречаночка! До чего соблазнительна! – промелькнуло в голове у Добрыни. – Не зря Владимир присох к ней, как заколдованный. Такая красавица кого угодно с ума сведет!»

Осторожно растолкав Владимира, Добрыня молчаливым жестом повелел ему встать с ложа так, чтобы не разбудить спящую Юлию. Уведя племянника в соседнюю комнату, Добрыня заставил его умыться над ушатом с колодезной водой. Затем Добрыня велел Владимиру

облечься в багряную княжескую свитку с длинными рукавами и круглым воротом. Облекая крепкий стан Владимира, длинная неприталенная свитка доходила ему почти до пят.

Усадив Владимира на стул, Добрыня принялся заботливо причесывать костяным гребнем его спутанные после сна густые вихры.

– Ну вот, племяш, теперь ты с виду истый князь, а не рохля заспанный, – молвил при этом Добрыня. – Я давно хотел тебе сказать, дружок, что внешне ты шибко стал на отца своего походить. В детские-то годы свои ты больше на мать смахивал, племяш, но с возмужанием отцовская стать стала проступать в тебе все более явственно. Гляжу я на тебя, племяш, и вижу перед собой молодого Святослава Игоревича. – Добрыня отступил от Владимира на два шага, взирая на него с неким восхищением во взоре. – И не токмо я, но все старые дружинники твоего отца так говорят.

Владимир глядел на дядю с легким недоумением, старательно борясь с зевотой. Эта заботливая приветливость Добрыни слегка настораживала Владимира, который еще дулся на дядю за вчерашнюю оплеуху и словесную взбучку.

– Отец твой к красе женской был равнодушен, зато в рати он был неодолим и неудержим, – с неким назиданием в голосе продолжил Добрыня, опустившись на скамью. – Все недруги Руси твоим отцом были биты. Хазарский каганат был разорен дотла полками Святослава Игоревича. Вот так-то, племяш.

– Почто же тогда печенеги смогли убить моего отца, когда он возвращался с добычей из Болгарии? – сказал Владимир. – Выходит, хан Куря превзошел в доблести моего отца, так?

– Хан Куря – это подлое отродье рода человеческого! – резко вымолвил Добрыня, а его синие глаза сверкнули стальным блеском. – Куря держал Киев в осаде, когда Святослав Игоревич воевал в Болгарии. Внезапно нагрянувшее войско Святослава разбило вдрызг печенежскую орду у Микулина брода. Куря в той битве лишился глаза и остался жив токмо по милости Святослава. Понимая, что в открытом сражении ему не одолеть Святославову дружину, Куря выждал, когда поредевшие русские полки возвращались домой речным путем после трудной войны с ромеями. У Днепровских порогов печенеги напали на русскую рать. Воинов у Святослава было мало, к тому же ратники растянулись на волоке длинной вереницей, перетаскивая по суше тяжелые лады. Несмотря на численный перевес и внезапное нападение, печенеги не смогли уничтожить русское войско. Русичи мечами и копьями проложили себе дорогу к спасительной воде, столкнули лады в Днепр и продолжили путь к Киеву. Князь Святослав сложил голову в той злополучной сече, ибо он не прятался за спины своих дружинников, а был впереди, как всегда. – Добрыня помолчал и добавил, сурово взирая на Владимира: – Тебе, племяш, предстоит отомстить Куре за смерть своего отца. В семнадцать-то лет твой отец уже был воином хоть куда, а ты о ратной славе и не помышляешь совсем, все за женскими юбками гоняешься. Не дело это, племяш. Ты же князь киевский, а не повеса какой-нибудь, который живет лишь в свое удовольствие.

Затем Добрыня принялся незлобливо укорять Владимира за то, что тот полагается лишь на советы воеводы Блуда, а всех прочих советников отстранил от себя.

– Ты сам оставил Блуда в Киеве, велел ему быть моей правой рукой, – недовольно заметил дяде Владимир. – Блуд всех имовитых киевлян знает как облупленных, любые козни местных бояр распутать может, у Блуда повсюду глаза и уши, поэтому Блуд и пользуется моим особым расположением. Все прочие советники токмо меж собой грызутся, всяк сам себя хвалит, а других хулит. Не доверяю я им, дядя.

Добрыня подсел поближе к Владимиру и заговорил с ним о делах насущных, чуть понизив голос.

– Поговорим, племяш, начистоту, – молвил Добрыня, глядя в глаза Владимиру. – Хоть ты и сидишь в Киеве на троне отца своего, но надежной опоры здесь у тебя нет. Бояре киевские кланяются тебе, покуда новгородцы и варяги трон твой стерегут. Варяги в тягость киевлянам,

а ты, племяш, для местной знати – сын рабыни, отнявший трон у Ярополка, переступив через его кровь.

– Ярополк был убит по твоему приказу, дядя, – сердито воскликнул Владимир, вскочив со стула. – Я не желал смерти Ярополку. Я послал своих людей, чтобы они встретили Ярополка на пути из Родни и доставили его ко мне целого и невредимого. Однако подлые варяги, повинаясь тебе, дядя, закололи Ярополка мечами, едва он ступил под своды этого терема.

– Признаю, племяш, на мне кровь Ярополка, – покивал Добрыня. – Но это дела не меняет. Не люб ты киевлянам, Владимир. Вот что плохо. Покуда за тобой сила, ты можешь разговаривать с киевлянами властно и свысока. Однако трон зашатается под тобой, как только новгородцы и чудские князья вернутся к себе домой, как это уже сделали отряды кривичей.

Нахмутив брови, Владимир медленно подошел к узкому окну и глянул через голубые, желтые и зеленые стеклянные квадратные ячейки на широкий теремной двор, мощенный камнем.

– Как же быть, дядюшка? – проговорил Владимир, не глядя на Добрыню. – Блуд мне о том же втихомолку толкует.

– Как уйдут новгородцы в свой северный край, у нас с тобой, племяш, останется одна надежная опора – варяжская дружина, – ответил Добрыня. – Не считая моих гридней и людей воеводы Блуда.

– Не доверяю я варягам, – негромко обронил Владимир. – Польстившись на золото, варяги убили Ярополка, они и меня могут зарезать ради золота-серебра. У киевских бояр сокровищ много, а неприязни ко мне еще больше...

– Не робей, племяш, – ободряюще сказал Добрыня. – Ты женат на дочери Стюрбьерна Старки, никто из варягов не посмеет поднять на тебя руку.

– В самом деле? – Владимир повернулся к дяде лицом. По нему было видно, что он и впрямь обеспокоен своим будущим.

– Верь мне, племяш, – продолжил Добрыня. – Алова для тебя – самый надежный оберег. Тебе бы не разлучаться с Аловой ни днем, ни ночью, так нет же! У тебя либо Юлия на уме, либо Рогнеда, либо дочь чудского князя Пуркеша. Про Алову ты, дурень, и не вспоминаешь. Ты хоть одну ночь провел с Аловой, поселившись в Киеве?

Владимир опустил глаза и отрицательно помотал головой.

– Алова же слишком юна, – оправдываясь, пробормотал он, – ей всего-то четырнадцать лет. Тора наказывала мне сразу после свадьбы, чтобы я не трогал Алову хотя бы год-два. Мне даже мыться в бане вместе с Аловой было запрещено.

– Полно, племяш, – улыбнулся Добрыня. – Все эти запреты остались в прошлом. Ныне Тора сама спрашивает у меня, когда же наконец ее дочь родит дитя от князя Владимира. Смекаешь?

Владимир молча кивнул, встретившись глазами с Добрыней.

– Запомни, племяш, – промолвил Добрыня, усадив Владимира рядом с собой на скамью. – Ты сидишь на золотокованом столе киевском между лисой и волком. Лиса – это воевода Блуд, который дарит тебе подарки, толкает тебя в объятия наложниц, обволакивает тебя лестью, а сам потихоньку забирает власть в свои руки. Говорит Блуд складно, улыбается лживо, а что у него в помыслах, неизвестно. Волк – это конунг Стюрбьерн Старки. С этим шутки плохи, племяш. Волка приручить невозможно. Стюрбьерн служит тебе ради счастья своей дочери. Стоит Стюрбьерну заподозрить, что ты брезгуешь его дочерью, как этот голово-рез превратится в твоего злейшего недруга. Стюрбьерн Старки и его жена хотят видеть свою дочь княгиней киевской, а ее сыновей – твоими законными наследниками. Помни об этом, племяш. – Добрыня слегка похлопал Владимира по широкому плечу. – И впредь оказывай Алове больше нежности и внимания, дабы у всех вокруг сложилось впечатление, что именно она царит в твоём сердце. Уразумел?

– Уразумел, дядя, – ответил Владимир без особой радости в голосе.

Глава вторая

Мать и дочь

– Похоже, слух о том, что гречанка Юлия родила сына не от Владимира, не ложный, госпожа, – негромко промолвила Бера, переступив порог светлицы. – Повитуха прямо заявила мне об этом, и теремные челядинки о том же шепчутся.

– Дверь плотнее притвори, – бросила Тора своей преданной служанке.

Сидя за столом, Тора перебирала украшения из янтаря, доставая их одно за другим из небольшой кипарисовой шкатулки. Она тут же прекратила это занятие, едва пред ней предстала Бера.

Закрыв поплотнее буковую дверь с медным кольцом вместо ручки, Бера приблизилась к столу и опустилась на стул, повинувшись молчаливому жесту своей властной госпожи.

– Повитуха поведала мне, что Юлия сошлась с Владимиром на ложе, уже будучи беременной от Ярополка, – заговорила Бера таинственным полушепотом. – Юлия всем говорит, что отец ее ребенка – князь Владимир. Юлия хочет опутать своими чарами юного Владимира, дабы он сделал ее законной женой. А сына своего Юлия желает видеть наследником князя Владимира. Повитухе Юлия обещала щедрую награду за молчание, но мне удалось-таки разговаривать эту женщину, подпоив ее вином.

– Далеко метит эта смазливая гречанка, очень далеко! – обронила Тора с каким-то зловещим оттенком в голосе. – Одного Юлию уже добила – ей удалось вскружить голову Владимиру.

– Может, подсыпать Юлии яду? – Бера выразительно глянула в глаза Торе. – У меня имеется неплохое смертоносное зелье.

– Нет. – Тора отрицательно покачала головой в роскошном уборе из уложенных венцом длинных кос. – Юлия трапезничает с Владимиром, который зачастую пьет с гречанкой из одной чаши. Я сама это видела. Убрать Юлию нужно каким-нибудь другим способом. Подумай над этим. – Тора многозначительно взглянула на верную служанку. – И ни с кем не советуйся об этом!

Бера понимающе закивала головой, повязанной белым платком.

Киевский терем, где поселились Добрыня и Владимир вместе с челядью и дружиной, был выстроен еще Игорем Старым, дедом Владимира. Это было огромное двухъярусное здание, возведенное на каменном фундаменте. Нижний этаж терема был выстроен из дубовых бревен, верхний этаж был сложен из бревен сосновых. На стропила и тесовую крышу были использованы березовые брусья и доски. Терем изначально возводился как княжеская цитадель, поэтому в нижнем ярусе оконных проемов не было вовсе, а узкие окна верхнего яруса более напоминали бойницы. Под потемневшими от времени сводами этого терема когда-то звучал голос княгини Ольги, здесь же некогда пировали дружинники Святослава Игоревича после победоносных походов на Волгу, Кавказ и Дон. Какое-то время в этих хоромы хозяйничал Ярополк Святославич, не совершивший ничего примечательного, кроме убийства своего родного брата Олега. В этом же тереме Ярополк встретил и свою внезапную смерть от мечей наемных варягов, пришедших в Киев вместе с Добрыней и Владимиром Святославичем.

Княжеский терем был обнесен высоким частоколом, в котором имелись ворота, выходявшие на широкую Теремную улицу, ведущую к Княжеским крепостным воротам. Почти вплотную к княжеским хоромам примыкали терема бояр Гробоя и Каницара. Первого уже не было в живых, а его сын Владислав княжил в далекой Тмутаракани. Родные сестры Владислава поспешили уехать к нему в Тмутаракань благодаря попустительству воеводы Блуда. Подался в Тмутаракань и боярин Каницар, женатый на Бориславе, старшей из дочерей Гробоя. Опустев-

шие боярские терема Добрыня забрал себе, разместив в доме Каницара варяжскую дружину, а в доме Гробоя – своего тестя Туровида и всех имовитых новгородских дружинников.

В соседнем переулке стоял терем Улеба, сводного брата Святослава Игоревича, погибшего в Болгарии. Поскольку законный владелец этого дома Регнвальд, сын Улеба, ныне пребывал на острове Готланд, унаследовав землю своих предков по материнской линии, поэтому Улебов терем тоже перешел во владение Добрыни и князя Владимира. В этом тереме Владимир поселил гречанку Юлию, дабы она не попадалась на глаза ревливой Рогнеде и мстительной Торе. От повседневных хлопот и государственных забот Владимир обычно укрывался в Улебовом тереме, проводя время с милой его сердцу красавицей Юлией. Владимир и ночевал чаще всего здесь, обуянный ненасытной страстью к опытной в интимных ласках Юлии.

Алова и ее мать Тора проживали в тереме боярина Ивора, которого уже не было в живых. Предки Ивора были родом из Скандинавии. Гуннар, сын Ивора, оказался в числе тех дружинников покойного Ярополка Святославича, которые ушли из Киева на чужбину, не желая служить Владимиру Святославичу. Иворов терем оборотистый Добрыня всенародно объявил собственностью князя Владимира, как и прочие дома, некогда принадлежавшие Ярополковым боярам, бежавшим из Киева.

Однажды утром в Иворовом тереме появился чашник Рацлав, объявивший Торе, что князь Владимир с сего дня желает постоянно делить с ее дочерью постель и стол. Обрадованная Тора мигом сообразила, что к такому решению князя Владимира, скорее всего, подтолкнул Добрыня, поговоривший с племянником по-родственному с глазу на глаз. Рацлав был не боярского рода, отец его был из смердов, а мать холопкой. Добрыня приблизил Рацлава к себе, обратив внимание на его добросовестность, сообразительность и равнодушие к хмельному питью. Рацлав состоял виночерпием при князе Владимире, но всем вокруг было понятно, что в первую очередь сноровистый Рацлав является глазами и ушами Добрыни, который часто отлучается из Киева по разным неотложным делам. Зачастую просители из числа киевлян обращались со своими просьбами не к Владимиру, а к Рацлаву, зная, что тот пользуется доверием всесильного Добрыни.

* * *

К этой встрече с князем Владимиром Алову готовили с особой тщательностью. Алова сидела на стуле в тонкой исподней сорочице, а ее длинные белокурые волосы расчесывали костяными гребнями две молодые служанки. Тора вынимала из большого открытого сундука платья, плащи и покрывала одно за другим, придирчиво рассматривая каждое из одеяний. При этом Тора поглядывала на дочь, сидящую на стуле с равнодушным видом, мысленно представляя ее то в одном наряде, то в другом.

– Нет, это не годится, – бормотала Тора себе под нос. – И это тоже. Все это как-то мрачновато смотрится, нужно что-то посветлее и понаряднее.

– Сколько хлопот и суеты, о боги! – негромко ворчала Бера, принимая из рук своей госпожи не приглянувшиеся той наряды и небрежно бросая их на кровать. – Как будто князь Владимир станет любоваться одеянием Аловы, ее прической и подстриженными ногтями. Этот похотливый юнец прежде всего потащит Алову в постель, чтобы наконец-то лишить ее девственности. Ни на что иное этот мальчишка не способен, видят боги.

– Придержи-ка язык, голубушка! – Тора взглянула на Беру, строго сдвинув брови. Неприетным кивком Тора указала Бере на свою дочь, погруженную в отрешенную задумчивость.

– Не пойму я тебя, госпожа, – смело возразила Бера. – То ты велишь мне обучать Алову умению завлекать мужчину кокетливыми взглядами и игривыми улыбками, даже тому, как быстрее подготовить к соитию мужской детородный отросток. То вдруг запрещаешь мне вслух говорить о том, о чем твоя дочь и так уже все знает.

– Мы собираемся трапезничать с князем Владимиром, поэтому все намеки на постель сейчас неуместны, – сказала Тора, продолжая перебирать платья и накидки. – Раздвигать ноги перед супругом Алове придется ночью. Днем же ей надлежит произвести благоприятное впечатление на Владимира своим остроумием и разумными замечаниями по любому поводу. Ежели Владимир пожелает послушать пение Аловы, то и в этом случае она не должна стусеваться. Алова непременно должна очаровать Владимира своим пением и игрой на лютне.

Бера в душе сильно недолюбливала князя Владимира именно из-за его чрезмерной похотливости. Она не стала и дальше возражать своей госпоже, подавив раздраженный вздох.

Наконец Тора выбрала для дочери длинное льняное платье белого цвета с узорами в виде голубых васильков на рукавах, у ворота и по нижнему краю. Это платье подарила Алове Мечислава, жена Добрыни. Это было еще в Новгороде два года тому назад. Алова до сего случая не наряжалась в это платье, поскольку оно было ей немного великовато. Теперь же подаренный Мечиславой наряд оказался Алове как раз по росту. Алова за прошедшие два года заметно вытянулась вверх и стала чуть шире в бедрах.

– Вот и подарок Мечиславы пригодился, – промолвила Тора, с довольной улыбкой оглядывая дочь с головы до ног, заставляя ее покружиться на месте. – Это платье тебе к лицу, моя девочка. Ты в нем как белая лебедушка. И длинные косы тебя очень красят!

Тора на мгновение прижала Алову к себе, запечатлев поцелуй на ее нежной румяной щеке.

– Почто служанки собирают все мои вещи? Разве я уже не вернусь сюда? – Алова с беспокойством посмотрела на мать.

– Да, милая, сюда ты не вернешься. – Тора мягко обняла дочь за плечи. – Отныне ты будешь жить в княжеском тереме вместе с князем Владимиром, ведь он является твоим мужем.

– Почто ты отдаешь меня Владимиру лишь сейчас, ведь я стала его женой еще два года тому назад? – Алова недовольно передернула плечами. – Скажи прямо, что я тебе надоела. Ты любишь Буи сильнее, чем меня. – Алова вскинула на мать свои голубые глаза, полные обиды.

– Ты уже выросла, моя милая, – с грустью в голосе произнесла Тора, ласково погладив дочь по голове. – И как бы сильно я ни любила тебя, наше расставание неизбежно. Отныне о тебе будет заботиться твой муж.

Печальные глаза Аловы наполнились слезами, ей так не хотелось расставаться с матерью! Алова крепко-крепко обняла мать, с которой она была уже почти одного роста.

– Пора, голубицы! – безрадостным тоном напомнила о себе Бера. – Солнце уже высоко. Князь Владимир небось уже заждался нас.

Узнав, что мать и Бера будут с ней на этой утренней трапезе в княжеском тереме, Алова немного повеселела. За прошедший год Алова виделась с Владимиром всего раза три, эти встречи были так мимолетны, что не пробудили в Алове никаких приятных впечатлений. Теперь же Алове предстояло видеть Владимира ежедневно и даже делить с ним ложе. От этих мыслей Алову охватывал сильный трепет, словно ей предстояло трудное испытание, которое заведомо ей не по плечу.

Сотрапезниками князя Владимира в это осеннее дождливое утро стали его дядя Добрыня, воевода Блуд, Тора с дочерью Аловой и варяжский конунг Стюрбьерн Старки, супруг Торы.

За два года, проведенные на Руси, Алова научилась говорить по-русски без малейшего акцента, в отличие от своих родителей, которым язык восточных славян давался с большим трудом. Владимира и Алову намеренно посадили за столом рядышком, как супругов. По левую руку от Аловы сидела ее мать, по правую руку от Владимира отец Аловы. Напротив Владимира и Аловы сидели Добрыня и Блуд.

Добрыня, поддерживая разговор за столом, намеренно старался втянуть в него и Владимира с Аловой. В этом Добрыне помогала Тора, которая всячески ободряла смущавшуюся

дочь, то слегка приобнимая ее сзади за талию, то незаметно поглаживая под столом ее колено. Владимир тоже чувствовал себя поначалу неловко, поскольку Добрыня настоял на том, чтобы он при всех поцеловал Алову в уста, как любящий муж. Владимир повиновался дяде, но от смущения так неловко поцеловал Алову в ее несмелые розовые уста, что этим вызвал смех у Стюрбьерна Старки. Развязный конунг стал сразу налегать на пиво и хмельной мед, хмель развязал ему язык. Из уст опьяневшего Стюрбьерна Старки так и сыпались скабрзные шутки и грубые словечки, вгонявшие в краску Владимира и еще больше Алову.

По недовольному лицу Торы было видно, как ее гложат досада и сожаление, что Стюрбьерн Старки в очередной раз выказал Владимиру и Добрыне свою грубую неотесанную натуру.

Алова произвела на Владимира приятное впечатление не только своей внешней прелестью, но и тем, как она свободно изъясняется по-русски, как находчиво и умно отвечает на вопросы Блуда и Добрыни. Владимир поразился довольно широким познаниям Аловы в географии и в знании различных легенд не только варяжских, но и славянских. В глазах этой четырнадцатилетней дочери свейского конунга Владимир узрел недетскую серьезность и задумчивость.

После завтрака, оставшись с Аловой наедине, Владимир спросил у нее, откуда ей известно про земли, лежащие к югу и западу от Руси, про обычаи ромеев и болгар, о древних сказаниях русов...

Алова призналась Владимиру, что все это она узнала от своего брата Буи, который прилежно посещает занятия книжника Силуяна. Буи же обучил Алову читать и писать не только по-славянски, но и по-гречески.

– Хотя, если честно, греческий язык дается мне труднее, чем русский, – со смущенной улыбкой сказала Алова, не смея отнять у Владимира свою белую тонкую ручку.

– Греческий язык мне тоже никак не лезет в голову, будь он неладен! – невольно вырвалось у Владимира. – Дядя же упрямо настаивает, чтобы я выучил язык ромеев назубок, мол, это мне в жизни пригодится. Зачем мне это? – Владимир сердито пожал плечами. – Воевать с ромеями, как это делал мой отец, я не собираюсь.

Алова сочувственно покачала головой, подняв глаза на Владимира.

Задумчивая чистота этих светло-голубых глаз вдруг внушила Владимиру чувство, что он должен стать опорой и защитой для Аловы, такой юной и непорочной.

От волнения у Владимира вспотели ладони, и он выпустил тонкую кисть Аловы из своих рук. Они стояли под деревянной крышей на теремной террасе второго этажа, отсюда вели двери в трапезную и лестничный спуск во двор.

– Хочешь посмотреть моих лошадей? – спросил Владимир. И горделиво добавил: – У меня их целая дюжина! Все как на подбор!

Алова молча кивнула.

Взяв Алову за руку, Владимир помог ей спуститься по крутым ступеням деревянной лестницы на каменное покрытие двора. Другой рукой Алова приподнимала спереди край своего длинного платья, чтобы не наступить на него. При этом Алове приходилось наклонять голову вперед, от чего ее длинные белокурые косы, свесившись вниз, ударялись своими пушистыми концами о перила лестницы. Холодный ветер, налетающий порывами, трепал плащ на плечах у Владимира.

Под струями пронизывающего ветра льняная ткань платья плотно облегла стройную фигурку Аловы с гибкой талией и уже явственно обозначившейся небольшой грудью. Владимир, незаметно разглядывая Алову, не мог не восхититься ее белой нежной шеей, соблазнительными линиями ее бедер, проступавшими сквозь длинные складки платья. Алова показалась Владимиру воздушной и пленительной, словно фея-диса, выпорхнувшая из какого-нибудь варяжского сказания.

На полуденную трапезу в княжеский терем неизменно приглашались только воеводы и старшие дружинники, женщин там не было, поскольку обеденное застолье у князя Владимира более походило на совещание по разным важным делам. Такой порядок завел Добрыня, желавший таким способом приобщить Владимира к обсуждению и решению государственных дел. Добрыне не нравилось то, что его возмужавший племянник постоянно отлынивает от насущных забот, перекладывая все это на плечи советников вроде Блуда.

Однако в этот день советники князя Владимира сели обедать в гриднице без него. Князь Владимир пожелал разделить полуденную трапезу лишь с одной Аловой. Добрыня был доволен тем, что юная Алова сумела завлечь его племянника в сети своего очарования. Торжествовала и Тора, которая самым тщательным образом надоумила свою смышленную дочь, как ей вести себя при Владимире, оставаясь с ним наедине, как понравиться ему.

Владимир очень нравился Алове. Он был статен и довольно высок ростом, в чертах его лица явственно проступала мужественная красота, которая подчеркивалась высоким лбом, прямым носом, большими синими глазами, густыми, чуть выющимися волосами и легким светлым пушком над верхней губой и на подбородке. Алова очень страдала в душе, будучи женой Владимира и пребывая в разлуке с ним. Алове было известно от матери и служанок, что Владимир еще до вокняжения в Киеве женился на полоцкой княжне Рогнеде и на Альве, дочери чудского князя Пуркеша. Обе новые жены Владимира были гораздо старше Аловы, их созревшая девичья красота встала непреодолимым заслоном между Аловой и Владимиром. Затем Владимир увлекся вдовой убитого Ярополка гречанкой Юлией, красота которой заслонила от него всех прочих женщин.

И вот наконец-то Алова достигла того цветущего возраста, когда ее лицо и фигура обретают притягательность для мужских глаз. Понимая, что ей все равно не сравниться красотой с гречанкой Юлией, а телесной статью с Рогнедой, Алова пустила в ход те чары и уловки в общении с Владимиром, которым надоумили ее мать и служанка Бера. Общаясь с Владимиром целый день, Алова не осыпала его лестью, не заигрывала с ним, в отличие от Юлии и Альвы. О чем бы ни заводил речь Владимир в беседе с Аловой, она была сведуща во всем. Алова не просто поддерживала разговор, но сама могла сообщить Владимиру немало интересного и о лечении лошадей, и о заморском оружии, и о водяных духах, и об охоте на перелетных птиц... Владимир и вовсе пришел в восторг, когда Алова взяла в руки лук и трижды попала в цель с дальнего расстояния. Самому же Владимиру ни разу не удалось попасть стрелой в голову соломенного чучела.

К концу дня Владимир уже смотрел на Алову без зазнайства и снисходительности. Он и представить не мог, что эта хрупкая на вид четырнадцатилетняя девочка так ловко скачет верхом, так метко бьет из лука и так здраво умеет рассуждать.

Вечером после ужина Тора, расставаясь с Аловой у дверей княжеской опочивальни, негромко промолвила:

– Ты – княгиня киевская. Ты должна родить Владимиру наследника.

Погладив дочь по длинным распущенным волосам, Тора удалилась, освещая себе путь масляной лампой в темных переходах древнего терема.

* * *

Алова лежала на кровати, укрытая одеялом из заячьих шкурок, опираясь спиной на высоко уложенные подушки. В ложнице было сумрачно и прохладно, непротопленная печь-каменка была холодна. Единственный масляный светильник на полке в углу озарял желтоватым светом лишь половину спальни. За дубовыми колоннами, поддерживающими потолочные балки, и у входной двери скопился густой мрак.

Владимир, вошедший в спальню с горящей лампой в руке, невольно замер на месте при виде Аловы, ожидающей его на постели. Прекрасные глаза Аловы таинственно блестели, в ее взгляде было что-то зовущее и завораживающее. Распущенные по плечам светлые волосы придавали Алове облик юной русалки.

– Ты еще не спишь? – проговорил Владимир, поставив лампу на подставку возле одной из колонн и приблизившись к кровати. Он пожирал Алову восхищенными глазами.

– Без тебя мне не спится, милый, – чуть слышно промолвила Алова, глядя прямо в глаза Владимиру.

В следующий миг Алова откинула с себя одеяло, явив изумленному взору Владимира свою наготу. От неожиданности Владимир слегка растерялся. Он был уверен, что ему самому придется раздевать застенчивую Алову, и, возможно, в полной темноте. Днем Алова всякий раз краснела от смущения, если рука Владимира ненароком или намеренно касалась ее руки. И вдруг такое с ее стороны!

На фоне светло-бежевой простыни нагое тело Аловы показалось Владимиру ослепительно белым, отливающим какой-то необыкновенной чистотой. Алова лежала, чуть повернувшись на бок и опираясь на согнутую в локте правую руку, а ее левая рука покоилась на изгибе бедра. Взгляд Аловы, казалось, говорил: «Я твоя жена, князь. Ты волен взять меня прямо сейчас. Я готова отдаться тебе».

Владимир, переполняемый вождением, принялся лихорадочно стаскивать с себя сапоги, порты и длинную льняную рубаху. К своим семнадцати годам Владимир уже познал в постели немало женщин, свободных и рабынь, в интимных делах он был сноровист и неутомим, как молодой жеребец. Здесь, в Киеве, в отсутствие Добрыни и благодаря сводничеству воеводы Блуда Владимиру доводилось затаскивать к себе на ложе и замужних боярынь, и незамужних девиц. За полтора года княжения в Киеве Владимир успел перевидать не один десяток обнаженных женщин, многие из которых сами охотно шли к нему в объятия. Но ни одна из этих случайных любовниц не могла сравниться с Аловой телесной свежестью и белизной, шелковистостью волос и волнительной глубиной взгляда.

Избавившись от одежд, Владимир резво запрыгнул в постель и вдавил Алову в мягкие подушки, впившись своими жадными губами в ее розовые нежные уста. Чувствуя, что Владимир устраивается на ней сверху, Алова развела бедра широко в стороны, приняв в свое девственное лоно затвердевший мужской жезл. Боль, пронзившая Алову, заставила ее закусить губу, чтобы не проронить ни звука. Следуя советам Беры, Алова постаралась слиться с сильными ритмичными телодвижениями Владимира, дабы его детородный орган проникал как можно глубже в ее чрево, источающее на простынь капли теплой девственной крови.

Наконец Владимир с блаженным стоном уронил голову на подушку, по которой разметались белокурые волосы его юной варяжской жены. Вот Владимир приподнялся и поцеловал Алову в губы. Его румяное лицо, полное умиротворения и неги, показалось Алове самым прекрасным на свете. Алове захотелось плакать, но не от боли или стыда, а от счастья. Теперь она будет неразлучна с Владимиром, и у них вскорости родится сын-наследник.

Внезапно из уст Владимира вырвался удивленный возглас. Вытянув руку, он снял со спинки кровати небольшую куклу размером чуть больше ладони. Кукла была связана из белой шерсти очень искусно, на ней было клетчатое платьице, какие носят скандинавские женщины. На продолговатом лице куклы блестели глаза из синих стеклянных бусин, ее волосы из конопляных волокон были заплетены в две короткие косички. У куклы был маленький нос и огромный красный рот.

– Откуда это здесь? – Сидя на смятом одеяле, Владимир показал игрушку Алове.

– Это моя кукла, – сказала Алова, усаживаясь напротив Владимира и прислонясь обнаженным плечом к спинке кровати. – Эта кукла всегда со мной. Она моя подруга и хранительница. Ее зовут Фледа. Она все видит и слышит, все понимает.

– А, – усмехнулся Владимир, посмотрев на Алову как на ребенка. – Главное достоинство этой подружки то, что она всегда молчит и не просит пищи. Не так ли?

– Не так, – ответила Алова, взглянув на Владимира серьезными глазами. – Фледа умеет разговаривать, но беседует она только со мной и больше ни с кем. Эту куклу мне подарила бабушка как оберег. Фледа хранит меня от болезней и несчастий. Всякий, кто меня обидит, будет жестоко наказан Фледой.

– Даже так? – Владимир рассмеялся, удивленно вскинув брови. – Что же может сделать такая маленькая куколка против, скажем, здоровенного мужчины?

– Все, что угодно, – с тем же серьезным видом промолвила Алова, взяв куклу из рук Владимира. – Зря ты смеешься, милый. Фледу смастерила черная колдунья, наделив ее волшебной силой. Черная колдунья подарила эту куклу моей бабушке, когда той было девять лет. Не один раз Фледа помогла моей бабушке избежать несчастья, а однажды даже спасла ее от смерти. Незадолго до своей кончины бабушка подарила Фледу мне.

– У меня тоже был деревянный конь, на котором я любил ездить верхом, когда мне было лет пять или шесть, – зевая, сказал Владимир. – Я оставил того деревянного коня в Вышгороде, как и все прочие игрушки, выехав на княжение в Новгород. В восемь лет я стал князем, с той поры мне не до игрушек. Вот так-то, лада моя. – Владимир легонько погладил Алову по щеке с видом эдакого превосходства, так взрослые люди ласкают маленьких детей. – А для тебя, как видно, детство еще не кончилось, милая. Спрячь эту куклу куда-нибудь в сундук. Отныне я буду твоим защитником от любых напастей. – Владимир горделиво ударил себя в грудь кулаком.

Глава третья

Бужане

Едва землю укрыло белым покрывалом из пушистого первого снега, в Киеве объявились послы из племени бужан. Это большое славянское племя издавна проживало в верховьях Южного Буга, соседствуя на западе с волынянами, а на востоке с древлянами. Когда-то бужане входили в союз польских племен, созданный легендарным вождем Кракусем, основавшим город Краков. После смерти Кракуся единство польских племен распалось под ударами воинственных пруссов и ятвягов. Особенно много тяжелых испытаний выпало на долю бужан, которые изначально обитали по берегам Западного Буга, соседствуя непосредственно с ятвягами. Спасаясь от поголовного истребления, бужане ушли на юг, осев в верховьях Южного Буга и вытеснив отсюда племя уличей. Киевские князья много раз воевали с бужанами, начиная с Олега Вещего, но покорить бужан удалось только Святославу, сыну княгини Ольги.

После смерти Святослава бужане признавали власть его сына Ярополка, но при этом доставляли дань в Киев в гораздо меньших размерах. С вокняжением в Киеве юного Владимира Святославича бужане и вовсе отказались платить дань, последовав примеру волян, древлян, вятичей и радимичей. Добрыня, укрепляя власть своего племянника, в первую очередь привел к покорности древлян и Чернигов как ближайших соседей Киева. Затем Добрыня помог дреговичам разбить досаждающих им ятвягов. Собираясь Добрыня по весне и в поход на бужан, но неожиданно бужане сами пожаловали в Киев.

Посольство бужан состояло из девяти человек, степенных и длиннобородых. Возглавлял послов боярин Смирг, который выделялся еще и тем, что имел черную бороду и темные волосы. Все прочие послы были русоволосые и светлотородые.

Владимиру уже доводилось встречать, сидя на троне, послов от тех славянских племен, которые признавали власть Киева и исправно платили дань. Для Владимира это было самым приятным и необременительным занятием – принимать подарки и изъявления покорности от посланцев дальних и ближних племен.

Вот и на этот раз Владимир восседал на отцовском и дедовском троне из мореного дуба, украшенном грубой резьбой, с любопытством разглядывая бужан, их длинные одеяния из шерстяных тканей, мохнатые плащи, высокие легкие сапоги из оленьих шкур, сшитые мехом внутри и обтянутые узкими кожаными ремнями крест-накрест.

Желая сделать приятное Алове, Владимир усадил ее рядом с собой на другой трон чуть меньших размеров и с более низкой спинкой. Для такого случая Владимир облачился в длинную греческую тунику-далматику из плотного узорчатого шелка и пурпурную мантию-палудаментум, расшитую узорами из золотых ниток в виде лавровых листьев. На его тщательно причесанной голове красовалась золотая корона с рубинами и изумрудами, доставленная в Киев из Болгарии дружинниками его отца.

Алова тоже была наряжена в роскошные греческие одежды. На ней были надеты две шелковые толы, нижняя покороче, верхняя подлиннее. У верхней толы, декорированной богатым разноцветным шитьем, подол спереди имел диагональный срез, дабы была видна нижняя туника, также расшитая узорами. На ногах у Аловы были узконосые кожаные шлепанцы-пантофли. Голова Аловы была покрыта тончайшим воздушным покрывалом-мафорием, придавленным сверху тяжелой золотой диадемой с подвесками из драгоценных камней. Длинные светлые косы Аловы свешивались ей на грудь, в них были вплетены ожерелья из речного жемчуга.

Алова была очень мила и нарядна. Владимиру было приятно сидеть рядом с ней под взорами своей многочисленной свиты. Единственное, что внутренне раздражало Владимира, – это кукла-оберег, которую Алова незаметно пронесла в тронный зал и теперь держала в руке.

Владимир заметил улыбки на лицах киевских бояр и воевод, заметил он и то, как переглядываются между собой послы, стараясь не улыбаться при виде куклы в руках у киевской княгини.

«Служанки так старались, наряжая Алову, желая сделать ее хоть чуточку постарше своих лет, а эта глупышка разом все испортила, прихватив с собой куклу! – мысленно негодовал Владимир. – Бужане могут подумать, что я играю в куклы со своей юной женой».

Из приближенных Владимира лишь двое не утратили своей серьезности, увидев куклу на коленях у Аловы. Это были Добрыня и Стюрбьерн Старки.

Отвесив низкий поклон князю Владимиру и его супруге, послы разложили на ковре перед троном свои дары: связки мехов, кинжалы в медных ножнах с рукоятями из оленьего рога, бронзовый поднос с серебряными украшениями, большую серебряную круговую чашу с тонким чеканным узором.

Боярин Смиг, обращаясь к Владимиру, стал жаловаться на польского князя Мешко, который пообещал защищать земли бужан от вторжений литовцев и ятвягов за определенную ежегодную мзду. Три года бужане выплачивали Мешко по белке с дыма, но когда ятвяги опять вторглись к ним и угнали в неволю около трех сотен человек, то от поляков не пришло никакой помощи. Однако более всего бужан возмутили двоедушные князя Мешко и его алчность. Почти всех пленников, захваченных на Южном Буге, ятвяги угнали в Польшу и продали там. За молодых женщин и юных отроков поляки щедро заплатили ятвягам. При этой сделке присутствовал и князь Мешко, который ради этого пришел со своей дружиной в город Плоцк, куда ятвяги пригнали славянский полон. Одному из пленников удалось сбежать и добраться до своих сородичей, от него-то старейшины бужан и прознали о двуличии князя Мешко.

– Нынешней зимой от поляков опять прибыли сборщики дани, но они вернулись к князю Мешко с пустыми руками, – сказал в заключение боярин Смиг. – Народное собрание бужан постановило разорвать договор с польским князем и признать над собой главенство Киева, как было при Святославе Игоревиче. Узнавший об этом Мешко вновь прислал к нам своих людей во главе со своим воеводой Вифилем, который рассыпал угрозы перед нами и просил одуматься. Но наши старейшины велели Вифилю убираться прочь, взяв в качестве дани побольше снега с наших полей. – При этих словах боярин Смиг усмехнулся, сверкнув белыми крепкими зубами.

На лицо Владимира набежала тень какого-то смутного волнения.

– Как, ты говоришь, звали воеводу, который приезжал к вам от князя Мешко? – обратился он к старшему послу, слегка заерзав на троне.

– Вифиль, сын Глена, княже, – ответил Смиг. – Он и в прошлом году к нам приезжал как доверенное лицо князя Мешко. Вифиль не польских кровей, он есть варяг по отцу и по матери. Говорят, этот Вифиль недавно поступил на службу к князю Мешко.

Взгляд Владимира отыскал среди киевских бояр Добрыню. Тот встал со скамьи и приблизился к трону, на котором сидел Владимир. В отличие от племянника, Добрыня был одет по-славянски. На нем была длинная шерстяная свитка с малиновым оплечьем и круглым воротом, с узкими рукавами и поясом. На шее у Добрыни висела золотая гривна, на ногах у него были красные яловые сапоги без каблуков.

– Друг мой, твои соплеменники приняли самое верное решение, постановив опять вернуться под руку киевского князя, – сказал Добрыня, обращаясь к главе посольства. – Как известно, старый друг лучше новых двух. Князь киевский не помнит зла и вновь готов принять бужан в свою державу на прежних условиях. Не так ли, княже? – Добрыня обернулся к племяннику.

– Истинно молвишь, боярин, – властно произнес Владимир, приподняв подбородок. – Отныне беды бужан станут моими бедами. Я смогу защитить их и от ятвягов, и от польского князя.

Обрадованные послы принялись низко кланяться Владимиру и благодарить его нестройными голосами.

Чернобородый Смиг радостно выкрикнул:

– Слава князю Владимиру! Долгие лета ему!

Киевские бояре повскакивали со своих мест, хором вторя бужанам:

– Слава князю Владимиру! Слава! Слава!..

* * *

– Так вот где нашел прибежище мерзавец Вифиль! – расхаживая по светлице, молвил Добрыня. – Пригрелся злыдень под крылом у польского князя. А я-то решил было, что он к печенегам подался вместе с Гуннаром, сыном Ивора.

– Я вижу, ты хочешь с поляками свару затеять, приятель, – недовольно обронил воевода Блуд, поглядывая на Добрыню из-под нахмуренных бровей. – Не ко времени это. Поляки – не ятвяги, их с наскока не разбить. У Мешко войско сильное, да и сам он далеко не промах. Мы же на вятичей собирались полки вести, забыл, что ли?

– Доберемся и до вятичей, ничего я не забыл, – раздраженно отмахнулся Добрыня. – Мне с Вифилем рассчитаться надо, воевода. Я два года его разыскиваю. На этом мерзавце кровь моей сестры Малуши.

– Отправь послов к Мешко, потребуй у него выдачи Вифиля, – промолвил Блуд, рассматривая в бронзовое зеркало свою коротко подстриженную бороду. – Хочешь, я сам съезжу к Мешко, потолкую с ним. Зачем из-за одного злодея нам влезать в свару с поляками? Дурость это!

Блуд небрежно бросил зеркало на стол и откинулся на спинку стула.

– Ладно, завтра поедешь в Польшу, – сказал Добрыня, остановившись напротив Блуда. – От имени князя Владимира потребуешь у Мешко выдачи Вифиля. Причем живого Вифиля, а не его голову. Уразумел? – Добрыня погрозил Блуду пальцем.

Блуд молча кивнул с видом самонадеянного спокойствия.

По инициативе Добрыни в честь возобновления союзнических отношений между Киевом и бужанами в княжеском тереме было организовано пышное застолье. Князь Владимир, не желавший отставать в возлияниях хмельным медом от своих бояр, явно не рассчитал своих сил и был уведен челядинцами с пира на заплетающихся ногах. Слуги раздели Владимира и уложили на кровать, оставив его наедине с Аловой.

В хмельном угаре Владимир сквернословил и грозил мстостью Вифилю-собаке и всей его родне. Лежа на постели, Владимир звал слуг и гридней, веля им наточить его меч, которым он собирался убить Вифиля.

Алова всячески старалась успокоить Владимира, обнимая и целуя его, но Владимир вырывался из ее объятий, порывался встать и вернуться обратно к пирующим гостям. Тогда Алова взяла в руки лютню и запела грустную скандинавскую балладу, перебирая струны своими тонкими изящными пальчиками.

Владимир затих, лежа на боку и взирая на поющую Алову мутными от хмеля глазами. Алова не успела допеть балладу до конца, как веки Владимира сомкнулись, и он захрапел, объятый крепким сном.

Положив лютню на сундук у стены, Алова, неслышно ступая, удалилась из ложницы. Она знала, что ее мать сегодня будет ночевать в княжеских хоромах, поэтому пришла к ней.

Тора удивилась не столько приходу дочери, сколько вопросам, прозвучавшим из ее уст. Алове хотелось знать, кто такой Вифиль и почему Владимир так страстно желает его смерти?

Тора усадила дочь на свое ложе и, неторопливо снимая с себя длинные одежды, поведала ей о том, что после поражения воинства Ярополка на реке Друч от полков Владимира

и Добрыни варяг Вифиль прибыл в село Будутино близ Вышгорода и убил жившую там мать Владимира.

– Это село было подарено Малуше княгиней Ольгой, – молвила Тора, присев на краешек стула и привычными движениями расплетая свою длинную пепельно-русую косу. – Малуша безвыездно жила там, покуда в Киеве княжил Ярополк. Неизвестно, сам ли Вифиль решился на убийство Малуши или выполнял приказ Ярополка. Я думаю, Вифиль убил Малушу по собственному почину. Если бы Ярополк был замешан в этом убийстве, то он не сдался бы добровольно на милость Владимира. Ярополк скорее покончил бы с собой или прорвался бы в степь вместе с Вифилем и прочими своими гриднями, настроенными непримиримо к Владимиру.

– Выходит, Владимир убил Ярополка, мстя ему за смерть матери, так? – Алова посмотрела на мать серьезными глазами.

– Ярополк был убит по приказу Добрыни, Владимир тут ни при чем, – ответила Тора, погружая в свои густые волосы вырезанную из липы расческу на длинной ручке. – Эта жестокость вполне объяснима, моя девочка. Двум медведям не ужиться в одной берлоге. К тому же Добрыней двигала месть за смерть своей сестры.

– Это хорошо, что Владимир не повинен в смерти брата, – с задумчивой серьезностью проговорила Алова. – Значит, Владимир не лгал мне, говоря, что он не желал гибели Ярополку. – Алова глубоко вздохнула. – Владимир по своей натуре мягок и незлобив, а Добрыня хочет привить ему хитрость и жестокость. Мне это не нравится.

– Князю без жестокости никак не обойтись, дочь моя, – сказала Тора, встряхивая волосами, как гривой. – Вожак в волчьей стае добивается превосходства в кровавой грызне. У князей все точно так же. Кабы Ярополк победил в сече, то сейчас не было бы в живых ни Владимира, ни Добрыни.

Глава четвертая

Князь Мешко

Проводив Блуда в Польшу, Добрыня без промедления приступил к подготовке войска к походу, ни от кого не скрывая, что собирается воевать с польским князем. Это не понравилось киевским боярам, которые не замедлили высказать Добрыне свое недовольство. Придя в княжеский терем на военный совет, киевские бояре осыпали Добрыню множеством упреков.

Первым взял слово боярин Сфирн, человек прямой и резкий в суждениях.

– Братья, разве ж это дело? – молвил Сфирн, обращаясь ко всем вельможам, пришедшим на совет. – Прознав, что убийца его сестры скрывается у князя Мешко, обуянный жаждой мести Добрыня готов столкнуть лбами нас и поляков. Причем Добрыня готов начать войну с поляками, не дожидаясь возвращения Блуда, уехавшего к князю Мешко с требованием выдать убийцу Малуши. К чему эта спешка? К чему эти военные сборы? – Сфирн раздраженно пожал плечами. – Ведь вполне возможно, что Мешко сам выдаст нам злодея Вифиля.

– Не будет этого! – сердито вставил Добрыня. – Не выдаст Мешко Вифиля мне на расправу, я наперед это знаю.

– Что ж, Мешко волен поступать по своему разумению, ибо он – князь, – подал голос боярин Слуда, доводившийся дальней родней Сфирну. – Ежели этот Вифиль весьма полезен Мешко, то он может и не выдать его. Я полагаю, что затевать распрю с поляками из-за одного злодея весьма глупо и недопустимо.

– И я о том же толкую, братья! – с жаром воскликнул Сфирн, вскочив со своего места и вглядываясь в лица присутствующих. – Нельзя вступать в войну с ляхами из-за такого пустяка! Конечно, у Добрыни есть священное право кровной мести. Однако я считаю, что нельзя идти по множеству трупов, преследуя одного-единственного злодея. Эдак мы перессоримся со всеми соседями!

Несколько одобрительных голосов поддержали Сфирна, который с довольным видом уселся на скамью рядом со Слудой.

Добрыня встал и вышел на середину гридницы.

– Бояре, – сказал он, – все вы знаете, что ныне покойный князь Святослав Игоревич расширил на западе Киевскую державу до Угорских гор и Западного Буга. Со смертью Святослава поляки осмелели, прибрав к рукам земли воляний и бужан. А ведь Мешко заключил договор со Святославом, в котором обговаривались рубежи Польши и Руси. Выходит, что Мешко нарушил договор, преступил свои клятвы. Это ли не повод к войне, бояре? К тому же бужане намерены потребовать у Мешко возвращения своих людей, угнанных в рабство ятвягами и проданных на невольничьем рынке в Плоцке. Бужане вновь наши союзники, поэтому нам придется поддержать их в распре с поляками.

Вожди варягов и новгородские воеводы были согласны с мнением Добрыни, что с поляками лучше не церемониться и напасть на них первыми.

– Нужно принудить Мешко соблюдать ранее заключенные договоры, – промолвил новгородский боярин Туровид, тесть Добрыни. – Нужно вернуть Воынь в состав Руси. Ляхи слишком возгордились, пора их урезонить!

Тогда опять заговорил боярин Сфирн, указавший всем собравшимся на совете, что Добрыня занимается самоуправством.

– Воевать нам с ляхами или не воевать, это должен решить князь Владимир, – сказал Сфирн. – Кстати, где же князь? Почто его нет на совете?

– Верно! – выкрикнул Слуда. – Такие дела нельзя решать без князя.

– Владимир занят сейчас не менее важным делом, он обучается стрельбе из лука, – произнес Добрыня, подняв руку, чтобы утихомирить расшумевшихся бояр. – Я могу немедленно

послать за ним. Эй, Сигвальд, беги к Владимиру, скажи ему, что мужи лучшие и нарочитые ждут его в гриднице, хотят слово его услышать! – Добрыня хлопнул по плечу молодого гридня в красном плаще, стоящего у двери с коротким копьём в руке.

Гридень мигом скрылся за дверью, его сапоги торопливо застучали вниз по деревянным ступеням, ведущим к выходу на теремной двор.

Вскоре Сигвальд прибежал обратно, сообщив Добрыне, что Владимир и Алова сели на коней и поехали кататься по вышгородской дороге.

– Надеюсь, не одни поехали? – нахмурился Добрыня.

– Их сопровождают пятеро воинов из варяжской дружины, – ответил Сигвальд.

Боярин Сфирн насмешливо обронил, мол, князю Владимиру нет дела до злодея Вифиля и ляхов, у него на уме прелести юной Аловы. Слуда негромко засмеялся, переглянувшись со Сфирном.

– Молод князь, молоды и думы его, – промолвил Добрыня, вставая с кресла. – Завтра поутру, бояре, соберемся опять. А теперь прощайте покуда.

У Добрыни было время, чтобы надоумить Владимира, как ему держаться перед боярами, что говорить по тому или иному поводу. На следующем военном совете Владимир заявил, что князю Мешко придется ответить за нарушенный им договор, что западная граница Руси будет возвращена к пределу, установленному его отцом.

«Ежели для этого придется взяться за оружие, – сказал Владимир, – то я без колебаний пойду на это. И я не оставлю без подмоги бужан, коль у них дойдет до распри с поляками».

Оспаривать решение князя Владимира сторонники Сфирна и Слуды не стали, лишь уговорили его не выступать в поход, не дождавшись возвращения Блуда из Польши.

* * *

Добрыня неспроста отправил в Польшу именно воеводу Блуда. Князя Мешко и Блуда связывали давние дружеские отношения. Еще при жизни Святослава Игоревича Блуд не единожды ездил к польскому князю на переговоры. Блуд ни разу не подвел Святослава, завершив все переговоры с поляками с выгодой для Руси. То ли благодаря своему личному обаянию, то ли из-за умения льстиво говорить Блуд на переговорах с Мешко всегда ухитрялся настоять на своем. За это качество Святослав Игоревич ценил Блуда. В походах на Дунай Блуд не участвовал, так как по воле Святослава он сидел на воеводстве в Берестье, что на Западном Буге.

Пребывая в Берестье, Блуд не раз навещался в гости к Мешко, благо оттуда было недалеко до Гнёзно и Кракова. После гибели Святослава Игоревича в сече с печенегами Блуд живо перебрался в Киев, проникнув в ближайшее окружение Ярополка Святославича. Варяг Свенельд и прочие соратники покойного Святослава частенько корили Блуда за то, что он оставил западный рубеж Руси без присмотра, втираясь в доверие к Ярополку. Едва у Ярополка дошло до вооруженной распри с братом Олегом, этим воспользовался Мешко, вторгнувшись на Волынь. Свенельд попытался было выбить поляков с Волыни, но не ко времени вдруг расхворался и прекратил поход. После смерти Свенельда Ярополк даже не порывался воевать с поляками из-за Волыни, собирая силы против брата Владимира, который шел на него из Новгорода.

Ныне уже Владимиру Святославичу предстояло решать эту заковыку: изгонять ли ляхов с Волыни или уступить Мешко земли у Западного Буга.

Мешко был рад приезду Блуда, они уже не виделись без малого пять лет. На зиму Мешко, как обычно, перебрался в свой Гнёзненский замок, затерянный среди лесов и болот в самом центре его владений. Сюда и приехал Блуд с небольшой свитой.

Как оказалось, у Мешко произошли перемены в личной жизни. Три года назад скончалась от болезни вторая жена Мешко, дочь чешского князя. Дубравка была красива, но не отли-

чалась крепким здоровьем. Третьей женой Мешко стала Ода, дочь маркграфа Дитриха фон Хельдеслебен. Свадьба состоялась в Гнёзно два месяца тому назад. Мешко ныне исполнилось пятьдесят восемь лет, Оде было всего восемнадцать.

Рядом с грузным и растолстевшим Мешко хрупкая и стройная Ода смотрелась как распустившийся цветок на фоне горы. У Оды были светло-голубые глаза, тонкие правильные черты лица, белокурые волосы. Ода была белолица и темноброва, с красиво очерченными розовыми устами. Ода совершенно не говорила на славянском наречии, поэтому Мешко сразу же спроводил ее на женскую половину терема, едва закончился торжественный прием в тронном зале.

В тронном зале слуги живо накрыли столы для Блуда и его свиты.

Охочий до вина Мешко выпил с Блудом заздравную чашу в знак дружбы.

Когда-то Мешко был красив и статен, но обжорство и пьянство с годами сделали свое дело. Ныне от статной и мускулистой фигуры Мешко не осталось и следа, он растолстел и обрюзг, как его отец Земомысл в такие же годы. Впрочем, на лице у Мешко все так же играла задорная улыбка, а в его голубых с прищуром глазах, в каждой его морщинке по-прежнему сквозило приветливое добродушие.

Длинные светло-русые волосы Мешко заметно поседели, поседела и его жидкая борода, и густые усы. Лишь в лохматых темных бровях Мешко не было ни единого седого волоска. У Мешко появилась заметная одышка, в нем стало заметно меньше ловкости и проворства в движениях.

Мешко был хорошо осведомлен о случившихся в Киеве событиях двухлетней давности, ему было ведомо, что в кровавой расправе между сыновьями покойного Святослава Игоревича верх взял Владимир, рожденный рабыней. Ярополк поплатился жизнью, а все его сторонники бежали из Киева кто куда.

Об этом и зашел разговор за столом между Мешко и Блудом.

– У тебя нашел пристанище Вифиль, бывший дружинник Ярополка, – молвил Блуд, стараясь не смотреть Мешко в глаза. – Этот Вифиль очень сильно досадил князю Владимиру. У него на руках кровь Малуши, матери Владимира. Вот Владимир и прислал меня сюда с требованием к тебе, княже...

Блуд невольно запнулся, встретившись взглядом с Мешко.

– С каким требованием? – спросил Мешко, жуя разваренный свиной хрящ.

– Владимир требует выдачи Вифиля, княже, – ответил Блуд. – Он хочет свести счеты с Вифилем по праву кровной мести.

Мешко перестал жевать и нахмурился, в его глазах промелькнули удивление и тень недовольства. Взяв со стола тряпку, Мешко принялся вытирать ею свои толстые жирные пальцы.

Блуд напряженно ждал дальнейшей реакции Мешко. Он вертел в руке чашу с недопитым вином, не поднося ее к губам.

– Сколько лет князю Владимиру? – поинтересовался Мешко, взглянув на Блуда.

– Семнадцать, княже, – сказал Блуд.

– Стало быть, юнец Владимир смеет выставлять мне требование, – с хмурым выражением на лице обронил Мешко. – Владимиру нужна голова Вифиля, на котором кровь его матери. При этом Владимир ссылается на право кровной мести. – Мешко швырнул тряпку обратно на стол. – Токмо Владимир не учел того, что я ему далеко не ровня. Я – христианин, а не язычник, как Владимир. Языческое право кровной мести меня более не касается. Я живу по христианским обычаям, которые запрещают кровную месть.

Блуд с пониманием закивал, всем своим видом показывая польскому князю, мол, он всего лишь посол и выполняет волю Владимира.

– Вифиль отменный воин, он уже доказал мне это, – продолжил Мешко. – Вифиль преданно мне служит, с какой стати я должен пожертвовать им? К тому же Вифиль пришел ко мне не один, а с двадцатью другими варягами. Ежели я выдам Вифиля Владимиру, то и эти воины

меня покинут. А я не хочу их потерять! Врагов у меня хватает, поэтому опытные и смелые ратники мне всегда нужны.

– Вобщем-то, меня прислал сюда Добрыня, Владимиров дядя, – проговорил Блуд, доверительно понизив голос и глядя в глаза Мешко. – Владимир лишь сидит на княжеском троне, а всеми делами заправляет Добрыня. Без Добрыни Владимир и не добился бы высокого стола киевского. Если откровенно, княже, Добрыня мне самому как кость в горле. Добрыня всюду сует свой нос, помыкает Владимиром и его ближними боярами, ни с чьим мнением не считается. Не было бы Добрыни, и не стал бы Владимир требовать у тебя, княже, выдачи Вифиля.

– Вот оно что... – протянул Мешко, потирая свой мясистый нос. – Выходит, князь Владимир не своим умом живет, а ходит на поводу у своего дяди. Что за человек этот Добрыня?

– Роду-племени он не знатного, – заговорил Блуд, счищая ножом кожуру с яблока. – Святослав Игоревич приблизил Добрыню к себе, когда сделал его сестру Малушу своей наложницей. Добрыня опекает Владимира с самого его рождения. Когда Владимир поехал в Новгород на княжение, то и Добрыня отправился вместе с ним, на то была воля Святослава Игоревича. После убийства Ярополком брата Олега Добрыня и Владимир бежали из Новгорода к варягам за море. Собрав войско из варягов, Добрыня с племянником вернулись в Новгород и объявили войну Ярополку. Дальнейшее ты знаешь, князь.

– Каков воитель из Добрыни? – поинтересовался Мешко. – Я слышал, он примучил древлян, разбил ятвягов.

– Да, воевать Добрыня умеет, – кивнул Блуд, – но до Святослава Игоревича ему далеко.

– Ну, такие-то воители, как Святослав, и рождаются раз в сто лет! – усмехнулся Мешко. – А есть ли склонность к ратным подвигам у князя Владимира?

– Нет и в помине, княже! – отозвался Блуд с презрительной миной на лице. – Владимиром владеет одна-единственная склонность – это непомерное сластолюбие. У него уже три жены, не считая наложниц. Владимир и вдову Ярополка тоже затащил к себе в постель.

– Тогда этот мальчишка мне не опасен, – ухмыльнулся Мешко, ласково потрепав по плечу сидящего рядом с ним четырнадцатилетнего сына Болеслава. – Гляди, Блуд, как вымахал мой наследник!

Лицом Болеслав был очень похож на отца, у него был такой же крупный орлиный нос, такие же широкие скулы, такой же высокий лоб и массивный подбородок. Волосы у Болеслава были гораздо темнее, зато густые брови заметно светлее, чем у отца. Ростом Болеслав уже сравнялся с отцом, а его могучий торс и мускулистые руки говорили о недюжинной физической силе.

– Я всегда говорил тебе, князь, что твой сын вырастет богатырем, – сказал Блуд. – Я помню, как Болеслав в девять лет сгибал и закручивал в кольцо толстые гвозди. В нем видна твоя порода, княже.

– Да, в роду у Пястов силачей всегда хватало, – горделиво заметил Мешко. Он взъерошил волосы на голове у сына и спросил у него: – Какой же ответ мы дадим князю Владимиру, сынок? Отдадим ли ему Вифиля, а?

Болеслав взглянул на отца своими небесно-голубыми глазами и без колебаний ответил:

– Ни в коем случае, отец. А ежели князь Владимир пойдет на тебя войной, то я вызову его на поединок и убью. Проткну Владимира копьем, как кабана!

Болеслав схватил со стола узкий кинжал и с силой вонзил его в зажаренную тушку молочного поросенка, лежавшую на узком серебряном блюде. Польские вельможи, сидящие на другом конце стола, дружно засмеялись, увидев пылкий жест Болеслава.

– Он у меня удалец хоть куда! – Мешко с довольным видом кивнул Блуду на сына. – На кабана выходит один на один и не боится. Любым оружием владеет не хуже моих дружинников, а удар кулака у него знаешь какой! Ого-го! Как думаешь, выстоит князь Владимир в поединке против моего сына? – Мешко посмотрел на Блуда с хитринкой в своих прищуренных глазах.

– Думаю, князю Владимиру не по силам тягаться с Болеславом, – не покривив душой, ответил Блуд.

– Стало быть, мой ответ князю Владимиру и его дяде будет таков, – сказал Мешко, отхлебнув из кубка душистого ячменного пива. – Передо мной Вифиль чист, а его прошлые грехи меня не касаются. Языческих обычаев я не придерживаюсь, ибо верую в Христа и Деву Марию. Пусть Владимир и Добрыня знают, что Вифиль находится под моей защитой, а посему они не получают его ни живого ни мертвого.

Глава пятая

Вифиль, сын Глена

Пока Блуд собирался в обратный путь до Киева, в Гнёзно тем временем приехали послы из племени бужан. Они потребовали у Мешко вернуть домой их соплеменников, плененных ятвягами и проданных в рабство полякам. Рассердившийся Мешко заявил бужанам, что подступать к нему с какими-либо требованиями могут чешский князь или германский император, взимающие дань с подвластных племен. А у бужан такого права нет, ибо они сами всегда были данниками. Мешко велел послам бужан убираться прочь, пока он их самих не обратил в рабство.

Боярин Смиг, возглавлявший посольство, на прощание сказал Мешко:

– Княже, высоко ты вознесся в своей гордыне, словно орел в поднебесье. Ты зриаешь на нас, бужан, как на жалких червей. Однако смею тебе заметить, что и орлы падают с высоты вниз и становятся добычей ничтожных червей. Мы больше не твои данники, князь. Наши старейшины и вече присягнули на верность Владимиру Святославичу. Ты не захотел договариваться миром, так пусть тяжбу нашу разрешит сеча.

Бужане гурьбой вышли из княжеского терема на широкий двор и стали садиться на коней.

Мешко, пребывающий во хмелю, выбежал на крытую теремную террасу и с высоты второго яруса стал кричать послам:

– Проваливайте отсель, пустобрехи сивоусые! Плевать я хотел на вас! Угроз ваших я не страшусь ни капли! Вы поклонились киевскому князю, этому мальчишке, который и в седле-то держаться не может. У князя Владимира душа изнеженной девицы, а его руки не привычны ни к мечу, ни к копью. Все, что умеет князь Владимир, – это обнимать голых наложниц и лобызать их пухлые задницы. Ха-ха!

Сидя верхом на конях, бужане тронулись к воротам замка, которые со скрипом распахнули перед ними польские стражи в длинных кольчугах с копьями в руках.

Разошедшийся не на шутку Мешко продолжал осыпать бужан бранью и угрозами, даже когда послы уже скрылись из глаз, миновав высокий гулкий коридор в мощной воротной башне и деревянный подъемный мост через ров.

До Киева Блуд добирался по занесенным снегом дорогам; зима в этот год выдалась снежная и вьюжная.

Добрыня несколько не удивился ответу, привезенному Блудом от польского князя.

Блуд встал на сторону тех киевских бояр, которые настаивали дожидаться весны и лишь тогда затевать войну с поляками. Добрыня же призывал идти в поход именно в зимнее время, когда реки покрыты льдом и не являются препятствием для рати. Да и Мешко не готов воевать зимой, все его ратные люди в эту пору заняты сбором дани с подвластных сел и городов.

Блуд и его сторонники стали уговаривать Владимира, чтобы он сказал свое княжеское слово и запретил своему дяде даже и думать о походе на поляков в зимнюю стужу. Владимиру было ведомо, что Добрыня собирается и его взять на войну с ляхами, поэтому он охотно поддался на уговоры сторонников Блуда. Добрыня особо не церемонился с Владимиром, оставаясь с ним наедине или в присутствии самых близких людей. Он всегда мог навязать племяннику свою волю. Однако прилюдно где-нибудь на вече или на совете бояр Добрыня, как и все вокруг, выказывал почтение Владимиру и подчинялся всем его повелениям. Все население Киева должно было видеть, что князь Владимир есть властитель на троне, а Добрыня лишь один из его советников.

Чувствуя за собой поддержку многих имовитых киевлян, Владимир все смелее стал вступать в пререкания с Добрыней, выражая недовольство всеми его распоряжениями, касающи-

мися зимнего похода на поляков. Добрыня ходил мрачнее тучи, видя, что его противники с Блудом во главе сумели перетянуть Владимира на свою сторону. И хотя полки и обоз были готовы к выступлению, одно слово Владимира на совете воевод могло перечеркнуть все старания Добрыни.

Тем временем в Киев вновь прибыли послы бужан, сообщившие Владимиру и его воеводам, что их рать готова выступить против ляхов. Был немедленно созван военный совет. Хитрый Добрыня уговорил Владимира, чтобы тот взял на совет и Алову, мол, пусть киевская знать увидит ее беременность. Присутствие Аловы на совете будет в угоду и военачальникам варягов, которые являются главной опорой Владимира здесь, в Киеве.

Перед советом Добрыня встречался с глазу на глаз с боярином Смилгом, главой посольства бужан. От него он узнал подробности поездки бужан к князю Мешко. Добрыня надоумил Смилга, как ему вести себя в разговоре с Владимиром, дабы сподвигнуть его на войну с ляхами.

Смилг выполнил все наставления Добрыни. Едва Смилгу дали слово на совете, как он отвесил низкий поклон Владимиру и Алове, восседающим на небольшом возвышении. После чего Смилг заговорил о причинах, подтолкнувших бужан к войне с поляками. Красочно и эмоционально Смилг живописал свою встречу с польским князем в Гнёзно, упомянув и том, каким грубым отказом ответил Мешко на требования бужан, и о том, сколько словесного презрения он вылил на князя Владимира. Смилг не просто повторил все сказанное подвыпившим Мешко, но, по совету Добрыни, многое добавил от себя, чтобы вогнать в краску чувствительного Владимира.

Выслушав Смилга, Владимир пришел в бешенство. Вскочив с трона, он объявил боярам и воеводам, что полки завтра же выступят в поход, что он сам возглавит рать.

– Я покажу Мешко, этому гнусному борову, умеет ли моя рука держать меч! – гневно выкрикивал Владимир, размахивая руками и отталкивая от себя вельмож, которые пытались его успокоить. – Свинорылый мерзавец! Гнусное отродье! Не трогай меня, Блуд. Ты небось заодно с негодяем Мешко. Ты долго гостил у этого пузатого ублюдка, жрал его яства, пил его вино. Мешко небось и при тебе оскорблял меня по-всякому, а ты помалкивал или поддакивал, лисья душа. Пошел вон отсюда! И ты, Слуда, отойди от меня. Я не хочу тебя слушать! А тебя, Сфирн, и подавно. В ваших наставлениях я не нуждаюсь, у меня своя голова на плечах. Я хочу отрубить Мешко башку и насадить ее на кол! А сыночка Мешко я велю насадить на кол голой задницей! О чем вы мне талдычите, бояре? Какие снега, какой холод?.. Не удержат меня ни снега, ни морозы! Сидите дома, трусы, а я иду в поход на ляхов! Завтра же!

Добрыня подскочил к Владимиру с сияющим лицом, стал трясти его за руку, приговаривая:

– Вот это по-княжески, племяш. Это по-молодецки! Утер ты носы всем этим лизоблюдам, показал им свою железную волю! – Добрыня небрежно кивнул на кучку бояр в длинных парчовых одеяниях. – Пусть знают они, что воля твоя – закон. Скоро и Мешко узнает силу твоего гнева, племяш. Верно молвишь, пусть трусы дома остаются, с тобой в поход храбрецы и удалыцы пойдут, благо таких у нас в войске хватает.

Отыскав взглядом в толпе бояр чернобородого Смилга, Добрыня подмигнул ему с видом заговорщика, мол, дело сделано, и теперь можно смело заступать ногой в стремя.

* * *

Прошло полмесяца с тех пор, как Мешко грубо выпроводил из своего замка послов бужан. Однажды Мешко насмешливо заметил своим приближенным, мол, бужане пригрозили ему войной, а сами не смеют носа высунуть из своих лесов и оврагов. Не иначе бужане понадеялись на киевского князя, на его дружину, но, видимо, князь Владимир почел за лучшее для себя не ходить войной на Польшу.

«Как растают снега, я припомню бужанам их дерзость, пройду по их земле с огнем и мечом!» – зловеще добавил Мешко.

Польский князь был злопамятен и мстителен, он не чурался подлости и коварства, если это сулило ему выгоду. Воевать Мешко любил, в последние несколько лет удача сопутствовала ему во всех походах. С тех пор как Мешко принял христианство в его латинской форме, у него наладились отношения с германским императором Оттоном и австрийским герцогом Леопольдом, происходившим из боковой ветви баварских герцогов Виттельсбахов. Этому же способствовала женитьба Мешко на знатной немке, дочери вассала германского императора. Папа римский прислал Мешко благодарственную грамоту-буллу, в которой ему воздавалась похвала за искоренение язычества на польских землях и за неустанную борьбу с язычеством на землях поморян, мазовшан и пруссов.

От воинственных мазовшан и поморян немало претерпел отец Мешко, князь Земомысл, так и не оправившийся от раны, полученной им в одном из походов в болотистую Мазовию. Мешко с большим трудом удалось покорить часть Мазовии, перессорив мазовецких вождей между собой. С поморянами и пруссами Мешко вел борьбу с переменным успехом, часто вторгаясь на их земли и постоянно отражая ответные набеги язычников. Самым опасным и неприимимым врагом Мешко были чехи, которые в правление князя Болеслава Грозного отняли у поляков немало земель, захватив даже их древний стольный град Краков.

С Болеславом Грозным Мешко тягаться не мог, поскольку польские удельные możnowładcy промышляли каждый за себя. Всякий раз в самый решающий момент удельные князья предавали Мешко, оставляя его на произвол судьбы. Потерпев несколько поражений в сражениях с чехами, Мешко тем не менее не склонил головы перед чешским князем. Он даже породнился с Болеславом Грозным, взяв в жены его дочь Дубравку. Беря пример со своего тестя, Мешко где ядом, где кинжалом стал расправляться с удельными польскими князьями, прибирая к рукам их владения. Входя в силу, Мешко становился все более жесток и неразборчив в средствах, истребляя непокорных możnowładców.

Когда умер Болеслав Грозный, Мешко уже имел сильное войско, объединив земли Куявии, Познани, Серадзы и Ленчицы в единое княжество. Вокняжившийся в Чехии Болеслав Благочестивый был вынужден считаться с Мешко, который после упорной борьбы отбил у чехов исконно польские города Вислицу и Краков.

Закрепившись в верховьях Вислы, Мешко без промедления устремился к Западному Бугу, захватив Волинь, которая давно его привлекала своими плодородными нивами. Нарушая договор с русами, Мешко нисколько не беспокоился о последствиях, ибо непобедимого Святослава Игоревича уже не было в живых, а сыновей Святослава Мешко не опасался.

В середине зимы в Гнёзно примчался гонец с известием, что бужане и полки киевского князя с ходу взяли город Берестье. Стоявший там польский отряд вырезан русами почти поголовно.

Мешко на мгновение лишился дара речи. Затем он спросил у гонца, кто стоит во главе русского войска.

– Князь Владимир и воевода Добрыня, – был ответ.

«Выпорхнул-таки птенчик из отцовского гнезда, – подумал Мешко, хмуря свои густые брови. – Что ж, проучу я тебя, дерзкий юнец! И дяде твоему урок преподам. Я вас, злыдней, отучу соваться в мои владения! Слава Христу, времена Святослава закончились!»

Мешко разослал гонцов во все концы своего княжества с повелением ко всем зависимым от него комитам и możnowładcóm вооружать своих людей и двигаться к городу Ленчица, где был назначен общий сбор польской рати. Сам Мешко со своей дружиной выступил туда же. Но недаром говорят, что беда не приходит одна. Недавно покоренные поляками мазовецкие князья отказались подчиниться приказу Мешко, мало того, мазовшане перебили польских торговцев и сборщиков дани в городе Плоцке, а возведенную там церковь сожгли дотла. Мазовшане

и в прошлом цепко держались веры в языческих богов, не желая пускать на свою землю христианских священников. Мешко хоть и удалось окрестить несколько тысяч мазовшан, однако ему было ведомо, что почти все из них не носят крестик на шее и тайно посещают языческие капища. Все христиане, приезжавшие в Мазовию на жительство или по торговым делам, постоянно жили в страхе, видя вокруг себя множество язычников. В Мазовии нередко случались убийства христиан.

Мешко оказался в крайне затруднительном положении. Вести войну одновременно с русичами и мазовшанами Мешко не мог: у него было недостаточно войск для этого. Из-за снегопадов и бездорожья отряды польских князей стягивались к Ленчице крайне медленно. Познаньский князь Собеслав и вовсе не привел свою дружину к месту сбора. Такое поведение Собеслава было вполне понятно Мешко. Познаньские князья некогда претендовали на то, чтобы объединить все польские племена под своей властью, ведь и они тоже происходят из рода Пястов. Собеслав и его родня хоть и признали верховенство Мешко, но в душе они тяготятся его властью. Собеслав готов при первой же возможности отнять у Мешко трон и власть, нанеся ему удар в спину.

Глядя на Собеслава, не пришли на зов Мешко и силезские князья из Глогова и Броцлава. Тамошние удельные владыки тоже неохотно кланяются Мешко, постоянно держа нож за пазухой. Любая неудача, постигшая Мешко, им в радость. Если Мешко сумеет выпутаться из свалившихся на него напастей, то Собеслав и силезские князья придут к нему с извинениями, мол, снега и плохие дороги задержали их в пути. Но в случае поражения Мешко от русичей или мазовшан Собеслав сразу же обнажит на него меч. Не замедлят объявить о своей независимости от Мешко и силезские князья.

«Нужно убить двух кабанов одним ударом: разделаться с мазовшанами и русов выбить из Берестья. А как это сделать? – ломал голову Мешко. – В Мазовию легко войти с войском, но трудно оттуда выйти, ибо там леса и болота непролазные. В одной решающей битве мне мазовшан не одолеть, никак не одолеть. Язычники в грады свои попрячутся, придется моей рати все их крепости приступом брать. Так было в прошлом, так и ныне будет. Увязну я в войне с мазовшанами, а русы в это время все Побужье захватят. Надо первым делом киевского князя разбить, а уж потом с мазовшанами воевать».

Мешко объявил своим воеводам, что польская рать выступает к Западному Бугу.

Перейдя Вислу, Мешко узнал, что русское войско, продвинувшись на юг, захватило городок Володаву и продолжает двигаться к городу Червену. Живущие в этих местах волыняне не оказывают полкам киевского князя никакого сопротивления. У волынян еще остались в памяти походы Святослава Игоревича и Свенельда, которые мечом и копьем утвердили здесь власть Киева.

Мешко спешно свернул с дороги, ведущей к Берестью, двинув свою рать напрямик на Червен. Это был самый крупный из волыньских городов. Мешко был полон решимости не допустить русов в Червен: этот город, расположенный на пересечении торговых путей, был очень нужен ему. Неподалеку от Червена было много соляных варниц, волыньские бояре и купцы ведут бойкую торговлю солью с Европой и Византией. Дорога из Червена к перевалу в Угорских горах так и называется – Соляная. Мешко обложил податями волыньских торговцев солью, заодно обязав их поставлять соль в Польшу по заниженной цене. Ради соляных барышей Мешко был готов сразиться хоть с Сатаной, не то что с киевским князем.

Как ни гнал Мешко свое войско, тем не менее перехватить полки киевского князя на подходе к Червену он не смог. Русичи подошли к Червену на два дня раньше поляков и заняли город. Оглядывая русский стан, раскинутый у земляных валов Червена, Мешко мрачно хмурил брови. Он видел, что у князя Владимира конницы ничуть не меньше, чем у него, а пешей рати даже вдвое больше. И все же об отступлении не могло быть и речи! Мешко нужна была только

победа над русами, иначе половина удельных польских князей выйдет из-под его власти по примеру мазовшан.

Мешко дал своему воинству три дня на отдых после трудного броска по заснеженным дорогам. В душе Мешко лелеял слабую надежду на то, что Собеслав и силезские князья все же приведут к нему свои дружины. Однако ожидания Мешко оказались напрасными. На четвертый день Мешко построил свою рать в боевой порядок посреди широкого поля, укрытого белым снежным саваном.

Киевский князь не заставил себя ждать, его полки вышли из стана и выстроились в две линии напротив польского войска.

Мешко, понимая, что в открытом сражении численный перевес русичей, скорее всего, будет иметь решающее значение, пустился на хитрость. Через глашатая Мешко предложил князю Владимиру поберечь конные и пешие полки, решив дело поединком между двумя богатырями. Условие Мешко было таково: если победителем выйдет воин с его стороны, то киевский князь уходит с войском в свои пределы, вернув полякам все захваченные в этом походе прибужские города. Если же в поединке победит русский витязь, тогда Мешко добровольно уступит Владимиру град Волынь вдобавок к ранее захваченным прибужским городам.

Посоветовавшись со своими воеводами, Владимир принял предложение польского князя. Понимая, что если начнется битва, то ему никак не отсидеться в стороне и тоже придется рисковать головой, Владимир сильно оробел и поэтому принял сторону тех бояр, которые настаивали на схватке между двумя витязями. К тому же этот зимний поход порядком утомил Владимира, не привычного к воинским трудам. Ему хотелось поскорее вернуться в Киев, в свой теплый роскошный терем к привычным вкусным яствам, к мягкой постели, к нежным объятиям своих жен и наложниц.

Добрыня хоть и был против предложения Мешко, но оспаривать решение, принятое Владимиром, он не стал, видя, что большинство воевод тоже не горят желанием сражаться с поляками.

Стюрбьерн Старки был недоволен тем, что Добрыня на военном совете не настоял на своем.

– В случае победы в поединке польского воина Мешко без боя и потерь вернет все утраченные побужские города, – возмущался варяг. – А коль победителем выйдет русич, то Владимир приобретет всего один град Волынь. Неужели Владимир не заметил подвоха в условиях, на каких должен состояться поединок двух бойцов? Уж лучше сразиться с поляками и, победив их, взять всю Волынскую землю, чем рисковать уже захваченными землями на Буге в схватке двух богатырей.

– Владимир устал от тягот похода и хочет домой, – проворчал на это Добрыня. – Вот в чем все дело.

Из рядов конной польской дружины, блистающей на солнце железом шлемов, щитов и доспехов, выехал всадник на широкогрудом саврасом жеребце с белой гривой. Подъехав рысью к плотным шеренгам русского войска, укрытым длинными красными щитами, польский дружинник поднял над головой свое тяжелое копьё.

– Эй, Добрыня, выходи на поединок! – прокричал он зычным голосом. – Я – Вифиль, сын Глена. От моей руки испустила дух твоя сестра Малуша. Выходи, Добрыня! Убей меня, ежели сможешь! Ну, где же ты, храбрец?

В глубине боевого русского строя произошло какое-то движение, там, где колыхался на ветру багрово-красный стяг князя Владимира, была заметна суета среди бояр и воевод. Приближенные князя Владимира, окружив кольцом витязя на вороном коне, что-то наперебой говорили ему, пытались его удержать, хватая за уздцы вороного жеребца.

А Вифиль тем временем продолжал громко выкрикивать, привстав на стременах:

– Добрыня, говорят, ты ищешь меня повсюду, хочешь рассчитаться со мной за смерть сестры. Ну, так вот он – я! Иди сюда, Добрыня, сразись со мной! Я тоже хочу отомстить тебе, негодяй, за смерть Ярополка!

В шеренгах пешей русской рати образовался узкий проход, по которому проехал всадник на вороном коне в блестящем островерхом шлеме, с поднятым кверху копьем.

Вифиль умолк, увидев, что витязь на вороном скакуне направляется к нему. Лицо витязя было закрыто металлической личиной с прорезями для глаз.

– Кто ты? – спросил Вифиль, когда русич остановил своего вороного коня в нескольких шагах от него.

Русич воткнул копье в снег и рукой в кожаной перчатке молча снял шлем со своей головы. Перед Вифилем был Добрыня.

– Вот мы и встретились наконец, – с хищной усмешкой проговорил Вифиль. – Вали, сын Одина, услышал-таки мои молитвы!

По верованиям варягов, Вали считался богом мести. Всякий, кто хотел отомстить кому-либо, непременно молился Вали.

– Прощайся с жизнью, мерзавец, – промолвил Добрыня, холодно взирая на Вифиля. – Сейчас я отправлю тебя в подземное царство Нави, там тебя уже заждался князь Ярополк!

– Это ты после смерти будешь мыкаться в подземном царстве теней, сын смерда, – презрительно бросил Добрыне Вифиль. – Я же после гибели в сече вознесусь в прекрасный небесный чертог Валгаллу в окружении валькирий, дивных дев-воительниц.

Князь Мешко с волнением в сердце взирал на двух всадников, которые ненадолго съехались, обменявшись краткими репликами, после чего они прищпорили коней и выехали на середину белой равнины, застыв на месте напротив друг друга, под взорами многих тысяч глаз. Два войска замерли в ожидании.

Видя, что варяг Вифиль сам горит желанием сразиться с Добрыней, Мешко позволил ему выйти на этот поединок. Мешко всей душой желал Вифилю одолеть Добрыню в этой схватке, ибо он знал, что тем самым русское войско будет обезглавлено. Зная со слов Блуда, каков на деле воитель из князя Владимира, Мешко был уверен в том, что этот поход русичей к Западному Бугу затеял именно Добрыня.

Добрыня и Вифиль устремились друг на друга с такой яростью, что при столкновении у обоих сломались копья. Обнажив мечи, эти двое принялись обмениваться лязгающими ударами, закрываясь щитами и кружа один подле другого. Вифиль, получив рану в бедро, вскоре стал заметно уступать Добрыне. По рядам польского войска прокатился тревожный вздох, когда Вифиль упал на снег вместе со смертельно раненым конем. С трудом поднявшись на ноги, Вифиль был готов продолжать схватку, несмотря на то что рана в бедре причиняла ему сильную боль. Спешившись, Добрыня ринулся на варяга с поднятым над головой мечом. Вифиль еле держался на ногах, отбивая град ударов, которые обрушил на него Добрыня. Силы варяга таяли на глазах, у Добрыни было полное превосходство над ним.

Варяги, друзья Вифиля, стали требовать у Мешко, чтобы он остановил поединок, не позволив Добрыне умертвить Вифиля. Видя, что Мешко медлит, объятый мучительными колебаниями, пятеро варягов вылетели верхом на конях из рядов польского войска и устремились на выручку к Вифилю, который уже отбивался от Добрыни, стоя на одном колене и выронив щит.

Увидев перед собой пятерых конных варягов с обнаженными мечами, Добрыня нисколько не оробел и не растерялся. Он первым бросился на них, действуя с такой быстротой и ловкостью, что в мгновение ока заколол одного из варягов насмерть и ранил еще двоих. Варяг по имени Грани тем временем втянул раненого Вифиля к себе в седло и погнал коня стремительным аллюром обратно к шеренгам польской рати.

Глава шестая

Немецкая невеста

Благодаря вмешательству Блуда между польским войском и полками киевского князя не дошло до открытого сражения. Русичи были возмущены тем, что польская сторона нарушила условия поединка, выслав на выручку к раненому Вифилию пятерых конников. Поляки были недовольны кровожадностью Добрыни, желавшего непременно убить Вифиля, не довольствуясь победой в поединке.

После того как Блуд сначала встретился с польским князем, а потом побеседовал с Владимиром один на один, был заключен мир между Польшей и Русью.

Мешко пригласил Владимира в свой лагерь, где за чашей вина между ними состоялся разговор. Воздействуя лестью на юного киевского князя, Мешко не просто расположил его к себе, но даже уговорил помочь ему наказать непокорных мазовшан и нерадивых силезских князей. За военную помощь Мешко пообещал вернуть Владимиру все Червенские города, отторгнутые им у Руси сразу после гибели Святослава Игоревича.

От уступок Мешко у Владимира закружилась голова. Владимиру казалось, что, действуя вопреки советам своего дяди, он добился больших результатов. Поход киевской рати на Волынь завершился полнейшим успехом без кровопролитных битв и долгих осад. Владимир согласился помочь Мешко одолеть его недругов внутри Польши. Вернувшись после переговоров с Мешко в свой стан, Владимир объявил о своем решении киевским воеводам.

Когда Добрыня напомнил Владимиру о своем требовании к польскому князю, то тем самым вызвал вспышку гнева у своего племянника.

– Дядя, тебе разве мало того, что израненный тобой Вифиль умирает в мучениях? – сердито промолвил Владимир. – Тебе хочется непременно добить несчастного Вифиля своей рукой. Ты вышел победителем в схватке, это главное. К поверженному врагу нужно проявлять хоть чуточку милосердия.

– Хочу напомнить тебе, племяш, что этот «несчастный» убил твою мать, – сдерживая себя, сказал Добрыня. – О милосердии не может быть и речи, там где дело касается кровной мести. Ты проявил непростительную слабость в переговорах с Мешко, племяш, не вынудив его выдать тебе Вифиля живого или мертвого.

– Зачем мне этот полудохлый варяг? – усмехнулся Владимир, переглянувшись с Блудом. – Мешко готов уступить мне ни много ни мало всю Волынскую землю. Забудь о Вифиле, дядя. Ты знаешь, что этот негодяй при смерти, твоя месть свершилась. – Владимир подбоchenился и горделиво добавил: – Завтра я поведу полки в Гнёзно. Мешко отныне мой друг и союзник.

Добрыня склонил голову, прижав ладонь к груди и отступая к выходу из шатра.

– Воля твоя, князь, – негромко обронил он.

* * *

Прежде чем начать войну с мазовшанами, Мешко решил сначала расквитаться с познаньским князем Собеславом, который уже не первый раз позволяет себе не явиться с дружиной на его зов. Собеслав держится слишком независимо, он водит дружбу с маркграфом мейсенским, сватает его дочь для своего старшего сына. Если Собеслав намеревается в противостоянии с Мешко опереться на немцев, то его тем более следует приструнить и дать ему понять, что познаньские Пясты совсем не равня гнёзненским Пястам.

Оставив большую часть войска в Гнёзно, Мешко и Владимир с конными дружинами выступили к граду Познань.

Стольный град князя Собеслава был расположен на холмах, с двух сторон омываемых полноводной рекой Вартой. По занимаемой площади Познань была ничуть не меньше Гнёзно, а укреплен этот город был даже лучше, чем столица Мешко. Крепостные валы Познани были выше и мощнее валов, окружавших Гнёзно. В основание познаньских валов были уложены большие камни, что придавало им необыкновенную прочность. Если в Гнёзно все дома, стены и башни были сложены из бревен, то в Познани было довольно много построек из камня. В Гнёзно улицы были вымощены деревянным тесом, а в Познани две главные улицы и торговая площадь были покрыты мостовой из плоских камней.

Терем князя Собеслава был деревянный, но к нему примыкала высокая сторожевая башня из огромных речных валунов.

По берегам Варты издревле обитают славяне из племени полян, из родовой знати которых сто лет тому назад выдвинулась княжеская династия Пястов. По пути в Познань Мешко поведал Владимиру кое-что об основателе династии Пясте, сыне Котышко. Оказывается, Пяст и его отец были бедными землепашцами. Котышко слыл среди односельчан человеком честным и добрым, к нему шли за советом люди даже из дальних селений. Такой же доброй славой с молодых лет был окружен и Пяст. В пору смут, когда поляне страдали от распрей собственных князей и от набегов воинственных соседей, народное вече постановило выдвинуть в верховные князья Пяста, сына Котышко.

Набрав себе дружину из простолюдинов, Пяст довольно долго воевал с полянским князем Попелем и его родней, которые не желали подчиниться «мужицкому» князю. Сторонников у Попеля с каждым годом становилось все меньше и меньше, он терпел поражение за поражением. Дошло до того, что после очередной битвы возле Попеля осталось всего трое слуг. Не желая терпеть лишения в скитаниях по лесам, слуги связали сонного Попеля и выдали его Пясту.

Пяст не стал убивать Попеля в надежде, что тот когда-нибудь смирится с потерей власти и станет рядовым общинником наравне со всеми. Попель притворился смиренным и покорным, хотя в душе он сильно ненавидел Пяста. Улучив момент, Попель попытался убить Пяста, но ему это не удалось. После этого случая Пяст посадил Попеля в темницу и уже не выпускал его оттуда до самой его смерти. Впрочем, сидя в темнице, Попель пережил Пяста на несколько лет. Попель умер в неволе уже при князе Земовите, сыне Пяста.

О Попеле в Польше помнят до сих пор, ведь им был построен город Гнёзно, что по-славянски означает «гнездо». Пяст, отнявший власть у Попеля, основал город Гдеч близ своего родного села, где он укрывался в пору своих неудач. Одолев всех своих недругов и обретя опору среди полян, Пяст перебрался в Гнёзно. Этот город стал столицей Пяста и его потомков.

Земовит, сын Пяста, приложил немало усилий, защищая свое княжество от мазовшан и серадзян, также образовавших племенные объединения к юго-востоку от полян. Земовиту удалось подчинить племена куявян и ленчан, создав сильный союз. При Лешке, сыне Земовита, к этому союзу примкнули слензаны, живущие на реке Одре.

Наследником Лешка стал Земомысл, мудрость и благородство которого принесли ему больше славы, чем его военные победы.

Земомысл долго ждал детей от своей жены, которую сильно любил. Наконец супруга Земомысла родила мальчика, который, на беду, оказался слепым. Земомысл назвал своего первенца Мешко, что означает «медвежонок». Родившийся младенец был необычайно крупный и крепкий. Слепотой Мешко страдал до семи лет, а потом он чудесным образом вдруг обрел зрение.

Владимир стал испытывать к Мешко какое-то внутреннее расположение, узнав, что у того предок Пяст был выходцем из народа. Владимиру не раз приходилось ловить на себе

косые взгляды киевских бояр, которые недовольно перешептывались между собой, сетуя на то, что всем им приходится кланяться сидящему на троне сыну рабыни. Грубоватое добродушие Мешко было по душе Владимиру, как и его намеки на то, что им двоим нужно держаться друг за друга.

«В моем крае хватает удельных князьков, которые точат нож на меня, не говоря уже про мазовшан, у которых одно на уме – не ходить в воле князей Пястовичей, – в пылу откровенности говорил Мешко Владимиру. – У тебя, брат мой, тоже не все ладно в отношениях с киевской знатью. По матери ты – робочич, это коробит кое-кого из бояр твоих. Опасайся не чужаков, княже Владимир, но тех, кто стоит возле твоего трона. Чужеземцы будут нападать на тебя открыто, а недруги среди своих всегда будут стараться бить в спину и наповал! Ты пришел мне на выручку ныне, я тебе за это благодарен, брат мой. Коль тебя беда постигнет, смело обращай ко мне за помощью».

Мешко не стал скрывать от Владимира того, что и он истребил всех своих сводных братьев, рожденных его отцу от побочных жен. Князь Земомысл очень горевал, что его старший сын родился слепым. По этой причине Земомысл помимо матери Мешко, у которой больше не было детей, имел еще две жены. От этих двух женщин у Земомысла было два сына и две дочери.

Одна из сводных сестер Мешко, по имени Малгоржата, являлась супругой познаньского князя Собеслава.

Князь Собеслав был примерно одних лет с Мешко, но в отличие от него он не выглядел обрюзгшим и растолстевшим. Хотя в темно-русой короткой бороде Собеслава уже серебрилась седина, физически он был еще статен и крепок. Собеслав на целую голову был выше Мешко, который отнюдь не выглядел малорослым.

Малгоржате было чуть больше сорока лет, это была невысокая красивая женщина, светловолосая и белокожая, фигуру которой несколько не портила приятная для мужского глаза полнота.

Владимир сразу обратил внимание, что приезду Мешко явно не обрадовались ни Малгоржата, ни ее супруг. Хотя оба радушно приветствовали Мешко, однако натянутые улыбки выдавали их внутреннее напряжение.

Мешко с самодовольным видом похлопывал по плечу Владимира, всячески выказывая Малгоржате и ее мужу, что у него с киевским князем мир и дружба. По лицу Собеслава было видно, что он несказанно удивлен тем, что распря между Мешко и русами завершилась столь непредсказуемым образом.

– Собирая полки у города Ленчица, я так и не дождался прихода твоей дружины, брат, – молвил Мешко, обращаясь к Собеславу. – Я все ломал голову, что с тобой стряслось, здоров ли ты, жив ли? Теперь вижу, брат, что ты в полном здравии, и у меня отлегло от сердца. Почто же ты не пришел на мой зов?

Разговор происходил за пиршественным столом, накрытым Собеславом и его супругой для Мешко и Владимира. На этом застолье присутствовали и приближенные Собеслава, а также старшие дружинники польского и киевского князей.

Отвечая на вопросы Мешко, Собеслав старался не смотреть ему в глаза.

– Я ожидаю приезда послов из Мейсена, которые должны привезти на смотрины дочь маркграфа Эккарда, – сказал Собеслав, глядя то в свою чашу, то на сидящую напротив жену, словно ожидая от нее поддержки. – Потому-то, брат, я не выступил в поход, ведь помолвка – дело весьма важное и щекотливое. Маркграф Эккард человек заносчивый, не приведи Господи прогневить его хоть в чем-нибудь.

– Ты прав, брат, немецкие бароны и графы заносчивы дальше некуда, – закивал Мешко, потянувшись к блюду с тонко порезанным салом. – А помолвка твоего сына с дочерью маркграфа Эккарда, конечно, дело наиважнейшее. По сравнению с этим предприятием все прочие

дела сущая ерунда! Можно отмахнуться от любых приказов, идущих из Гнёзно. Можно наплевать на восставших мазовшан, тем более что непосредственно Познани они не угрожают. – Мешко с усмешкой переглянулся со своими длинноусыми воеводами. – Даже если мазовшане захватили бы меня в плен и грозили мне смертью, это тоже для моего брата Собеслава стало бы малозначающим событием по сравнению с помолвкой его сына. Получается, что намечающееся родство с маркграфом мейсенским для моего брата Собеслава важнее, чем ленная присяга, данная мне.

По лицам жующих дружинников Мешко промелькнули кривые ухмылки. Им было ведомо о давних натянутых отношениях между их князем и Собеславом.

– Незачем перегибать палку, брат, – заговорила Малгоржата, вступаясь за мужа. – К нам действительно со дня на день должны приехать послы из Мейсена с невестой для нашего старшего сына. Неужели отсутствие познаньской дружины под твоими стягами так сильно ослабило твоё войско? Не могу поверить в это. После свершения помолвки мой муж непременно прибыл бы к тебе со своими воинами.

– Коль я ныне в гостях у вас, милая сестра, то не могу уехать отсюда, не повидав невесту вашего сына Збышека, – промолвил Мешко, холодно взглянув на Малгоржату. – Я ведь тоже недавно женился на немке, хочу сравнить прелесть моей юной жены с красотой дочери маркграфа Эккарда.

– Поступай как хочешь, брат, – сухо обронила Малгоржата. – Ты над нами господин и повелитель. Для нас большая честь принимать тебя в своем доме.

Добрыня, сопровождавший Владимира в этой поездке в Познань, чувствовал, что коварный Мешко что-то затевает, желая отплатить сполна Собеславу и его жене. Вскоре подозрения Добрыни подтвердились в полной мере.

Несколько дней спустя в Познань прибыл маркграф Эккард с женой, дочерью и пышной свитой. Судя по тому, с какой благожелательностью встретились Собеслав и Эккард, с какой нежностью обнялись и поцеловались их жены, можно было понять, что между этими знатными семьями уже все решено относительно помолвки графской дочери и княжеского сына.

Пятнадцатилетняя Адель, дочь Эккарда, была точной копией своего властного отца. У нее было круглое лицо с чуть вздернутым носом и слегка заостренным подбородком. Взгляд ее голубых глаз был немного пристальный, а ее тонкие брови пшеничного цвета обладали удивительной подвижностью. Когда Адель улыбалась, то меж краями ее свежих розовых губ сверкали ослепительной белизной два ряда ровных зубов. У Адели были длинные изогнутые ресницы и густые светло-желтые волосы. У нее были широкие бедра, небольшая грудь и довольно тонкая талия. По понятиям людей той эпохи, дочь Эккарда не имела ни малейших изъянов во внешности и фигуре, она была мила и вполне могла без затруднений рожать здоровых детей.

Адель, как и ее родители, впервые увидела на этих смотринах своего нареченного жениха Збышека, который произвел на нее весьма благоприятное впечатление. Двадцатилетний Збышек был необычайно красив, лицом уродившись в мать. Он был высок и крепок, унаследовав от отца его физическую мощь. Хотя при встрече Адель и Збышек не обменялись ни словом, слушая разглагольствования своей родни, они тем не менее остались довольны друг другом.

И вот тут-то Добрыне стало ясно, как именно вознамерился Мешко отомстить Собеславу за его излишнюю независимость.

Расточая похвалы дочери Эккарда, Мешко при всех вдруг завел речь о том, что такая красавица достойна более знатного жениха. Остолбеневший Собеслав был поражен и ошарашен. Малгоржата, решив, что Мешко желает отнять у них Адель для своего сына Болеслава, сердито заявила, что тому еще рано жениться. «Болеславу всего-то четырнадцать лет!» – сказала она.

На что Мешко спокойно заявил, мол, Болеславу и впрямь всего четырнадцать, зато князю Владимиру уже семнадцать.

Присутствующий при этом Владимир поначалу растерялся и слегка покраснел. Такое поведение Мешко и его поставило в очень неловкое положение, поскольку ранее у него не было ни полслова об этом в беседах с польским князем.

Выглядел довольно обескураженным и маркграф Эккард, услышав такое из уст Мешко. Однако благодаря стараниям Мешко, который осыпал Эккарда лестью и заманчивой перспективой видеть свою дочь киевской княгиней, в честолюбивом мозгу маркграфа зароились совсем иные мысли.

«Что такое Познань по сравнению с Киевом? Глушь, болото! – витийствовал Мешко перед Эккардом. – Все владения Собеслава можно за день верхом на коне объехать, а Русь протянулась на тысячу верст от Западного Буга до Новгорода. На Руси полсотни городов, десятки племен, тысячи деревень! Все подати стекаются к князю Владимиру, во дворце у которого сокровищница ломится от богатств. Купцы со всего света каждое лето съезжаются в Киев, а многие иноземные торговцы живут там круглый год. Князь Владимир мог бы безбедно жить на одних торговых пошлинах. А сколько золота-серебра досталось Владимиру от его отца Святослава Игоревича, победившего хазар, болгар, печенегов и ромеев, – не перечесть!...»

Добрыня негодовал, видя, как Мешко унижает князя Собеслава и его жену, но его еще больше злило то, что Владимир охотно участвует во всем этом. Владимир всерьез вознамерился взять в жены дочь Эккарда, которая ему явно приглянулась. Наслушавшись от Мешко рассказов о могуществе германского императора Оттона, Владимир загорелся желанием свести с ним дружбу через маркграфа Эккарда. Все попытки Добрыни образумить Владимира ни к чему не привели. Владимир всячески старался отдалить дядю от себя, внимая советам лишь тех бояр, кто открыто потакал всем его капризам.

В конце концов маркграф Эккард объявил о разрыве помолвки своей дочери с сыном князя Собеслава. Новым женихом юной графини Адели был провозглашен князь Владимир, посаженным отцом которого стал Мешко. Было решено немедленно сыграть свадьбу, но тут вмешались христианские священники во главе с познаньским епископом Зигмундом. Святые отцы в один голос заявили о невозможности брачного союза между князем-язычником и девушкой-христианкой. Выход из этого затруднения был один: князь Владимир обязан принять христианскую веру, чтобы жениться на дочери маркграфа Эккарда. Причем епископ Зигмунд настаивал на том, чтобы Владимир принял крещение по латинскому обряду.

Владимир оказался в затруднении, поскольку его бояре и дружина не собирались принимать веру Христову, а креститься ему одному не имело смысла. К тому же это было чревато тем, что Владимир мог потерять княжеский трон, ведь среди киевлян подавляющее большинство тоже были язычники.

В Познани Владимир впервые увидел католическую церковь и смог попристутствовать на богослужении, совершаемом епископом Зигмундом на латинском языке. Владимир впервые услышал и был заворожен стройным пением хора мальчиков, исполняющих священные псалмы под гулками сводами каменного храма в сопровождении тягучих и торжественных звуков органа.

В Киеве на Подоле еще со времен княгини Ольги стоит деревянная Ильинская церковь, где священники-греки проводят службу на греческом языке по православному обряду, принятому в Болгарии и Византии. Владимиру довелось как-то побывать в этой небольшой церквушке, еще будучи ребенком. Он пришел туда однажды вместе с матерью, которая приняла христианство по воле княгини Ольги. Никаких ярких впечатлений от посещения православного храма в памяти Владимира не сохранилось, кроме толпящихся людей, горящих свечей и душного полумрака, пропитанного сладковатым запахом ладана.

Епископ Зигмунд и Мешко, показывая Владимиру настенные фрески внутри познаньской церкви, кратко поведали ему историю жизни Иисуса Христа, сына Божия. Дотошный Зигмунд рассказал Владимиру и о непорочной Деве Марии, матери Христа, и о двенадцати

апостолах, учениках Иисуса, проповедовавших истинную веру по всей земле после вознесения Христа на небеса.

Находясь под впечатлением от всего услышанного, Владимир призвал к себе самых ближних бояр, в числе которых были Блуд и Добрыня. Ссылаясь на пример княгини Ольги, Владимир повел речь о том, что ему, как правителю, было бы выгоднее принять веру в Христа, чтобы встать вровень со всеми европейскими государями.

«Даже дикие угры и те приняли христианство, не говоря уже про немцев, чехов, моравов и поляков, – молвил Владимир. – Все западные страны от Польши до великого океана поклоняются единому христианскому Богу. Все христианские короли и князья взирают на полабских славян, варягов, пруссов и литовцев как на диких зверей, ибо среди этих племен распространено язычество. Без должного уважения относятся на Западе и к русским князьям по той же причине. Недаром мудрая княгиня Ольга ездила в Царьград, чтобы принять крещение из рук самого патриарха. После этого ромеи выказывали княгине Ольге не показное уважение, а василевс Константин Багрянородный даже предлагал Ольге стать его женой».

Владимир хотел знать, как отнесутся его ближайшие советники к тому, если он все-таки примет крещение здесь в Познани, и выступят ли они в его поддержку перед лицом дружины, которая может возмутиться, узнав об этом. К разочарованию Владимира, все его советники в один голос принялись отговаривать его от столь опрометчивого шага. Даже Блуд и тот рьяно ругал христиан вместе со всеми. Общее мнение бояр выразил Добрыня, который сказал своему племяннику, что его похотливое желание овладеть дочерью маркграфа Эккарда не является поводом и оправданием для отречения от языческих богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.